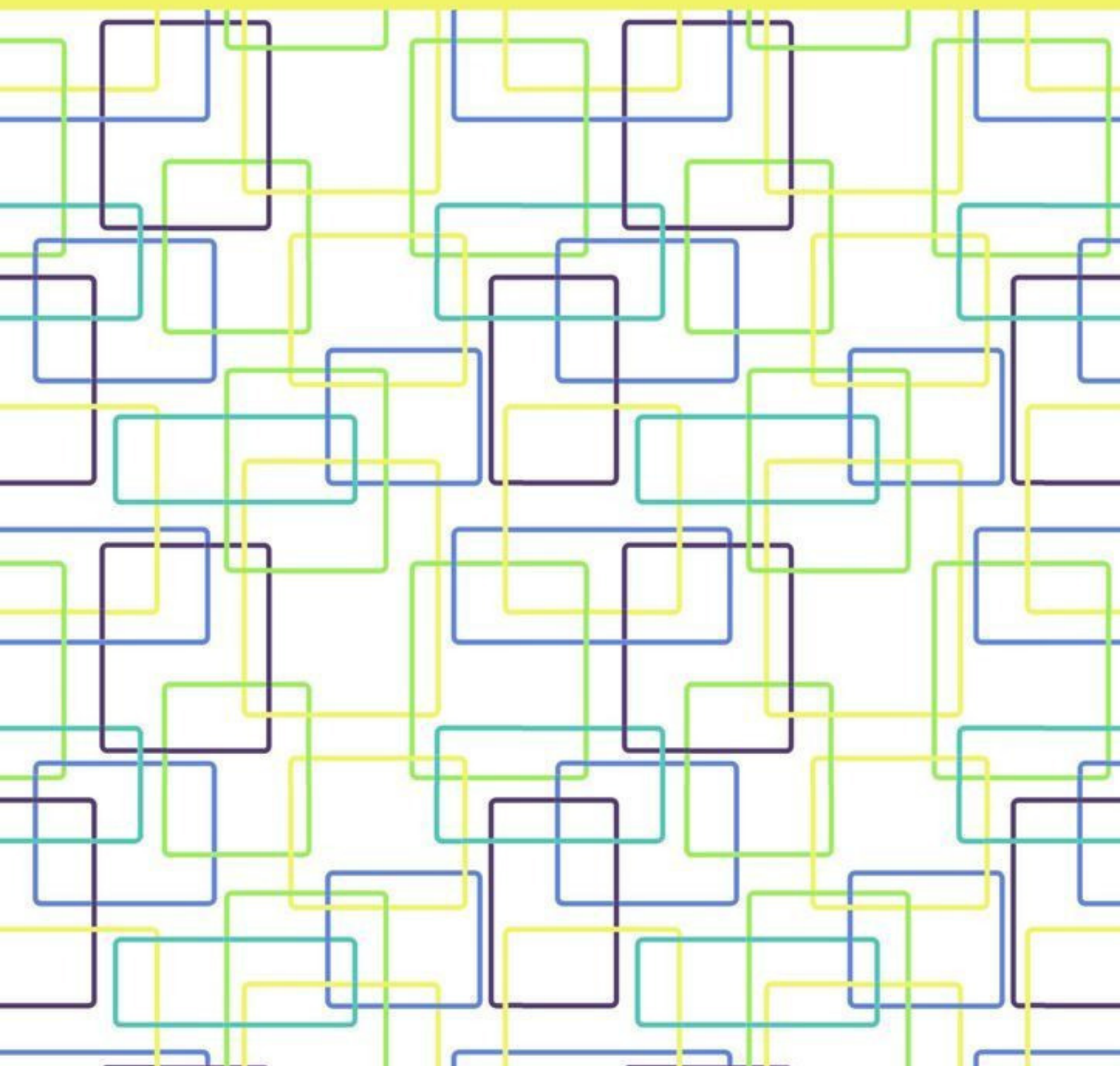

18+

Андрей Сметанкин

Дорога к сыну

Андрей Сметанкин

Дорога к сыну

«Издательские решения»

Сметанкин А.

Дорога к сыну / А. Сметанкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533111-3

«Дорога к сыну...» — это не документальная повесть о гражданской войне в Таджикистане начала 90-х, но авторский взгляд на подобные горькие и страшные события, выраженные литературными приёмами. Эта книга, по сути, ГИМН мудрости и терпению, трудолюбию и человеколюбию таджиков и других народов, издавна и посейчас проживающих на таджикской земле. Все, совместным трудом и общей душой, создают процветание и благосостояние этому солнечному, радушному и гостеприимному горному краю.

ISBN 978-5-00-533111-3

© Сметанкин А.
© Издательские решения

Содержание

ДОРОГА К СЫНУ, ИЛИ	6
Сообщается, что Абу ад-Дардаъ, да будет доволен им Аллах, сказал: «Я слышал, как Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, говорил: «В День воскрешения на весы не положат ничего тяжелее благонравия, и, поистине, обладатель благонравия достигнет им степени того, кто постится и совершает молитвы»	7
Светя другим, сгораешь сам	8
Год спустя (предисловие ко второму изданию)	10
Придёт и мой черёд (предисловие к третьему изданию)	11
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЮ RIDERO (ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЁРТОМУ ИЗДАНИЮ)	13
Часть первая	15
Глава первая	15
Глава вторая	21
Глава третья	27
Глава четвёртая	33
Глава пятая	39
Глава шестая	45
Глава седьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дорога к сыну

Андрей Сметанкин

ВО ИМЯ ДОБРОТЫ И МИЛОСЕРДИЯ

*Эта книга посвящается XX-летию независимости
Республики Таджикистан
(09.09. 1991—09.09. 2011 гг.)*

© Андрей Сметанкин, 2021

ISBN 978-5-0053-3111-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОРОГА К СЫНУ, ИЛИ СЛОВО О ТАДЖИКИСТАНЦАХ (долгая дорога к миру и согласию, или героическая повесть в трёх частях)

4-ое издание

Сметанкин А. Ю. Дорога к сыну, или Слово о таджикистанцах (долгая дорога к миру и согласию, или героическая повесть в трёх частях). – 368 с.

«Дорога к сыну...» – это не документальная повесть о гражданской войне в Таджикистане начала 90-ых, но авторский взгляд на подобные горькие и страшные события, выраженные литературными приёмами. Здесь активно используются, священные хадисы, выдержки (аяты) из Корана, изречения признанных восточных богословов, строки прославленных поэтов Востока, фантастические образы и реальные события. Всё это создаёт целую картину не столько отношения автора к теме войны, сколько отношение каждого здравомыслящего человека к выбранной теме. Эта книга, по сути, ГИМН мудрости и терпению, трудолюбию и человеколюбию таджиков и других народов, издавна и посейчас проживающих на таджикской земле – узбеков, киргизов, туркменов, русских, немцев, корейцев и прочих. Они стремятся к дружбе и к согласию внутри своей страны и за её пределами и гордо несут знамя Таджики (так называет Таджикистан Тимур Зульфикаров, восточный Данте и последний дервиш современности) по земным дорогам. Все они, так или иначе, совместным трудом и общей душой созидают процветание и благосостояние этому солнечному, радушному и гостеприимному горному краю.

Сообщается, что Абу ад-Дардаъ, да будет доволен им Аллах, сказал: «Я слышал, как Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, говорил: «В День воскрешения на весы не положат ничего тяжелее благонравия, и, поистине, обладатель благонравия достигнет им степени того, кто постится и совершает молитвы»

Светя другим, сгораешь сам

Поступайте с людьми так, как вы хотите, чтобы они поступали с вами.

(Священное Писание, Инджил, Лк. 6:31)

В середине 90-ых годов прошлого столетия я задумал написать несколько литературных работ, посвящённых таджикской земле и её народу, которые в своё время приютили меня, дали образование и поставили на ноги. Теперь возвращаю свой долг – одну часть из задуманного, а именно книгу «Дорога к сыну, или Слово о таджикстанцах». Также это дань уважения и признания к моим учителям и старшим товарищам по литературному цеху: Искандару Хамракулову, семейной чете Туфа и Абдурахмон Расули и Владимиру Воробьёву. Здесь же выражаю слова благодарности Мансур Сурушу, который поверил в меня, и Министру культуры Республики Таджикистан Мирзошохрух Асрори, который разрешил издание этой книги.

Иначе и нельзя, поскольку эта книга, по сути, посвящена каждому жителю современного Таджикистана, кто так или иначе прошёл через огненные и горькие испытания гражданской войной, прошёл через боль, горе и утраты, но остался Человеком. Это не документальное повествование, а литературный взгляд автора на роковые события, свидетелем которых стал – попытка художественными средствами осмыслить всю трагичность и неоправданную жестокость не только гражданской войны, но и войны вообще.

Герои этой книги возвышенны и совестливы, и их каждый поступок горит алмазом совершенства в руках Всевышнего судьи, а язык повествования чист и свободен. Даже отрицательные персонажи имеют право и возможность *«рвануть ворот рубахи»*, чтобы начать новую судьбу с чистого листа или стать *«заглавным листом»* в чужой судьбе.

Мои герои не стремятся к должностям и званиям, не делают карьеры и не бряцают своими связями и знакомствами. Они напрочь лишены чиновничества и подхалимства, наущничества и оговора (не клеветают и не вымещают зло), зависти и злобы, жадности и ненависти, имея в сердце своём одну лишь страсть – истинную Любовь, как любовь к Богу и к человеку. Никого не унижают, чтобы возвышаться, но возвышают других, чтобы люди становились равными с ними. А если и унижают кого-нибудь, то лишь самих себя, ибо сказано в Священном Писании: *«Каждый возвышающий себя, будет унижен, а каждый принижающий себя, будет возвышен»*. Любовь к Богу начинается с любви к простому человеку, и потому нельзя любить Бога, если ты не любишь человека, ибо Бог – в каждом из нас!

Они, мои литературные герои, искренно живут и молятся не так, чтоб об этом знали все, но так, чтоб об этом знал только Всевышний. Они молятся и делают жертвоприношения не для того, чтобы замаливать прежние грехи и после делать новые, снова читать намаз и снова грешить, а для того, чтобы всех и каждого в этом мире одаривать солнечным светом своей любви. Они возвышенно и вдохновенно сгорают в своей любви, озаряя жизнь людей, ныне живущих на земле.

Моя книга – дань уважения и любви к таджикской земле и её народу. Я благодарю весь народ Таджикистана – от дехканина, рабочего, интеллигента до Президента страны – за то обстоятельство, что всё-таки имею возможность говорить по-русски, по-русски писать и думать, а также издавать, хоть и с большим трудом для себя, свои книги на русском языке.

Я благодарю таджикскую землю и Республиканский детский центр психического здоровья (Душанбе) в лице директора учреждения Товус Муродовой (ныне Хурсандмурода Нарзикулова – автор, 28.08. 2019) за то, что поныне работаю и приношу посильную пользу детям, коллегам и обществу. Более всего, благодарю замечательный, дружный и славный (я бы сказал,

великодушный) коллектив столичного ООО «Контраст», которое подарило мне мечту и стало Родиной моих книг, включая первое издание этой книги.

В главном герое своей повести Якубе Рубоби Дилкушод я воплотил все жизненные перипетии и коллизии – поиски и открытия, радости и печали, собственные взгляды на жизнь и человека, как такового. Воплотил и развил в персонаже всё лучшее и прекрасное, что есть в каждом из нас. Можно сказать: таков мой идеал совершенного человека – я стремлюсь к нему, и как мне далеко. Более того, в каждом герое – будь то жестокосердный главарь банды Диловар Бахрам или благородный бунтарь-одиночка Мустафа-воробышек, врач Пётр Любовин или предприниматель Джо Гасан (Джонибек Гасанов) – каждый читатель, возможно, найдёт какие-то общие струны, свои страхи и сомнения, взлёты и падения, надежды и печали. В женских образах героинь повести Саодат и Мухтарам воплощены представления о женщине, матери и жене.

Надеюсь, мои герои не получились нарочитыми и надуманными. Верую, что придёт день, и читатель благодарно примет мой пятнадцатилетний труд, итогом которого стала эта книга.

Как русский православный человек скажу, книга «Дорога к сыну...» – это выстраданный и великий Гимн доброте и мудрости таджикского народа, его трудолюбию и терпению, и этот гимн звучит в полный голос. Надеюсь, его услышат и мусульмане, и христиане, и народы других верований, возрадуются ему и постепенно придут к миру и согласию, в силу своей мудрости и своего великодушия. Придут к пониманию друг друга за пиалой открытости и лепёшкой сотрудничества, а также соучастия в случившейся беде от природной стихии. Это особенно важно на фоне последних трагических событий нашей современности – катастрофические последствия цунами в Японии и волнения, охватившие страны Ближнего Востока, Аравийского полуострова и Северной Африки.

Я ищу мира и согласия, благополучия и процветания той стране, в которой живу и гражданином которой являюсь, ищу мира и согласия во всех других земных пределах. Считаю себя патриотом больше по духу и по деятельному отношению, чем по паспорту или парадным речам. Отказывая себе во многом, десять лет работаю среди особенных детей и посильно занимаюсь творчеством. Смыслом своего существования считаю служение людям во имя доброты. Например, должность-педагога воспитателя среди **ОСОБЕННЫХ ДЕТЕЙ** в Республиканском детско-подростковом центре психического здоровья (РДПЦПЗ), Душанбе. А там – художественная литература, поэзия и проза.

Своей книгой я стремлюсь к тому, чтобы мои соотечественники обратили свои взоры к родной земле – не ругали бы её за ошибки других, а своим посильным трудом и душевным участием помогали воскреснуть духом из пепла нищеты и заброшенности, поддержали друг друга одобрительным словом и дружеским плечом. Также стремлюсь к тому, чтобы мировое сообщество обратило взор к моей стране и увидело, что здесь проживают не какие-нибудь разбойники, бандиты и бездельники, но простые труженики и созидательные люди, и они трудом своих рук и своей души украшают и прославляют таджикскую землю.

**Андрей Сметанкин,
Душанбе, Республика Таджикистан,
21.03. 2010 – 21.03. 2011 г.г.**

Год спустя (предисловие ко второму изданию)

И усердствуйте об Аллахе достойным его усердием! Он избрал вас и не устроил для вас в религии никакой тяготы, как и в общине отца вашего, Ибрагима. Он назвал вас мусульманами.

(Сура 23, «Верующие»)

Как православный человек глубоко чту и ратую за традиции и основы своих отцов и прадедов (мир, согласие и сотрудничество), но считаю себя патриотом земли, на которой уже долгое время живу и работаю. Это гордая прекрасная таджикская земля. Своим посильным творчеством созидаю мир, ищу счастья и милосердия для этой земли, доброты и душевной щедрости (бескорыстия) – истинной любви.

Не считаю себя знатоком восточных традиций и восточной культуры (в частности, таджикской), но беру на себя смелость своими мыслями и словами рассказать, как понимаю и чувствую этот солнечный гостеприимный край и его трудолюбивый и радушный народ. Об этом повествуют мои прозаические книги – «Чудеса священного месяца Рамазан» и «Дорога к сыну, или Слово о таджикстанцах». Здесь же и поэтические сборники – например, «Азъ есмь пиит», «Душанбинские картинки» и ряд других авторских поэтических сборников.

Многолетний литературный труд вылился в эту книгу. Книга воспевает духовную силу и красоту таджикского народа и повествует о большой и преданной любви не столько моих литературных героев к этой древней земле, сколько народов, ныне живущих на ней.

Не хочу идти к своей цели по чужим головам, но хочу жить и радоваться Жизни (окружающему миру природы и людей) и творить свой маленький мир доброты и милосердия, что и делаю со всей искренностью и полнотой. Прекрасным вижу мир, поскольку стою на чужих плечах и благодарю эти плечи. Тем самым, выражаю свою благодарность и признательность грамотному человеку и мудрому собеседнику Владимиру Копице, который поверил в мою книгу, побудил взглянуть на неё свежим взглядом, отчего она открылась новыми сторонами и зазвучала более живо и проникновенно. Выражаю благодарность и Тоиру Раджабову, руководителю ООО «ЭР-ГРАФ», где ныне была издана «Дорога к сыну, или Слово о таджикстанцах», второе издание.

Верю, кто-то среди зноя суетной жизни однажды обретёт уют и покой под тенистой кроной этой повести – обретёт мир и согласие в своей потерянной душе. Так вот, ради этой единственной души я живу, надеюсь и творю! Ради этого посильно пишу, издаю свои книги и среди них – торжественный гимн о своих земляках «Дорога к сыну, или Слово о таджикстанцах (долгая дорога к миру и согласию, или героическая повесть в трёх частях)».

**Андрей Сметанкин,
г. Душанбе, Республика Таджикистан,
09.09. – 20.09. 2012 г.**

Придёт и мой черёд (предисловие к третьему изданию)

**«Просителей иные не выносят:
Не выслушав, на полуслове бросят.
Ты слушаешь, но выслушать не в силах.
А каково же мне, который просит.**

Эти строки написал Рудаки.

Прошло уже семь лет со дня второго издания этой книги. Правда, никто из читателей, ставших счастливыми обладателями этой книги, как и годом раньше, не уведомил меня о том, удалась книга или нет. Книги приносились в дар любому желающему.

Подобно Рудаки, «а каково же мне, который просит?», я прошу об одном – о прочтении этой книги. Думаю, и она, и автор за эти годы ожидания вполне заслужили любой читательской оценки – или доброго рукопожатия, или плевка под ноги по встрече в столице.

Верую, всё благородное и прекрасное, возвышенное и великодушное, что описано в повествовании, в том или ином виде, присутствует под радушным солнцем на гостеприимной таджикской земле. И всё это – правда, жизненная и житейская действительность, а не просто продукт авторского воображения, занимательная игра слов и образов. Верую, придёт и мой черёд.

Мне представляется практичным и вполне возможным некий бизнес-проект от культуры.

Если издать эту книгу, совместно с другой, «Чудеса священного месяца Рамазан», на таджикском, русском и английском языках (правда, вначале следует грамотно и равносильно оригиналу перевести) – можно начать с 5. 00 экземпляров, с привлечением посильной рекламной компанией, то обе книги, со временем, станут приносить в государственный бюджет Республики Таджикистан реальную прибыль. Таджикский язык, в большей степени, обеспечит аудиторию из титульной нации, русский язык, как признанный язык межнационального общения – аудиторию из числа других народов страны и стран СНГ, включая Россию, английский язык, благодаря давней популярности, – аудиторию из числа международных читательских масс.

Полагаю, эти книги достойно обретут широкий интерес и широкую благодарную читательскую публику. В силу своего мастерства и таланта, я попытался найти общее в культуре славянских и восточных народов (Таджикистана и России) – верования, традиции и обычаи, ремёсла и искусство, бытовое и жизненное устройство. А в лице коренной нации (мусульман таджикской земли) можно найти подобные тождества и для мусульман всего земного мира. Принципы мироустройства людей, согласия и содружества (мирного сожительства, поскольку все мы – сожители одного общего дома, по имени Земля) одинаково важны для каждого человека, независимо от места проживания, языка общения и вектора вероисповедания.

А можно поставить спектакль. Снять художественный фильм. Например, на студии «Таджикфильм».

Я исходил не из политики, а из человеческих взаимоотношений, вечных как этот мир. Возможно, это трудное многострадальное произведение как «Дорога к сыну...» и не станет популярной книгой, но всё же, сама книга не запылится на полке. Думаю, будет стыдно не прочитать этой книги, если люди искренне радуют за мир и процветание, счастье и благополучие как внутри страны, так и за её пределами.

Андрей Сметанкин,

**Душанбе, Республика Таджикистан,
11.08. 2019.**

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЮ RIDERO (ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЁРТОМУ ИЗДАНИЮ)

Доброго времени, уважаемый читатель RIDERO: мира и согласия твоему дому, здоровья и счастья тебе самому, твоим родным и близким людям, что особенно важно в наши трудные вирусные дни. Я верую, что вирус, так или иначе, пройдёт, благодаря нашим общим усилиям, нашей воле к победе и нашему неистребимому желанию жить. Также надеюсь, что эта много-страдальная книга – «ДОРОГА К СЫНУ», – которая создавалась в тяготах и лишениях более 15-и лет, благодаря усилиям RIDERO и его многочисленным и отзывчивым сотрудникам, наконец-то, увидит своего читателя, вдумчивого и благодарного (по прочтению, если достанет терпения, мудрости и великодушия, кто ценит среди людей искренность, благородство и милосердие).

О чём эта книга? Эта книга, в первую голову, о доброте и мудрости, трудолюбию и терпению, великодушию и милосердию таджикской земли и таджикского народа. Эта книга о горестях и бедствиях Гражданской войны, которая в начале 90-ых годов прокатилась по солнечным и красочным просторам, городам и весям Таджикистана. Эта книга о том, что таджики и таджикстанцы не пошли на поводу братоубийственной войны и тех, кто её затеял, а нашли в себе мужество и силы, чтобы этому противостоять. Эта книга о том, что каждый человек, независимо от национальности, языка, вероисповедания, социального статуса и материального достатка по отношению друг к другу – друг, товарищ и брат, поскольку все мы сделаны из одной и той же земной глины, исходя из Корана и Библии.

Так вышло, что первое издание книги состоялось на первое десятилетие со дня Независимости Таджикистана, но прошло достаточно времени, но я до сих пор не знаю, получилась эта книга или нет, и читатели обходят её молчанием. Среди читателей можно назвать президентов Таджикистана и России. Причём, администрация президента РФ прислала уведомление, что книга передана в руки В. Путина, и он поместил её в библиотеке президента. Эта книга есть в московском офисе Фонда «Русский мир» (В. Никонов), в СП Росси, в «Литературной газете», во многих других российских и отечественных (таджикостанских) организациях и учреждениях. В данном случае, в СП Таджикистана, в министерствах культуры, образования, здравоохранения Республики Таджикистан и прочее, хотя первые три издания, по силам автора, состоялись только по 50 книг – никто не горел и не горит желанием, чтобы помочь, по-божески, выходу этой книги и книгу всячески замалчивают. К тому же, на «СиДи» дисках электронные файлы этой книги и книги «Чудеса священного месяца Рамазан» были отправлены в штаб-квартиры ООН и ЮНЕСКО.

Впрочем, я не хочу ни плакаться по своим бедам, ни гордиться своими победами, явными и мнимыми. Повторяю, искренне верую и надеюсь, что читатель RIDERO проникнется душой и сердцем к героям моей книги, примет их такими, какие они есть, с трепетным вниманием станет следить за их перипетиями книжной судьбы, принимать на себя и болеть за героев. Читатель увидит, как красоту таджикской земли, так и духовную красоту, высокую жизненную силу, которая помогла моим героям остаться людьми, в пору мрачной и грубой действительности гражданской войны в Таджикистане. Конечно, это не документальная повесть, основанная на реальных фактах, событиях и персоналиях, а всего художественное произведение, но и его нельзя читать без содрогания, гнева и сопереживания.

Теперь свои надежды, взлёты и падения, искренне и открыто я доверяю в руки RIDERO и, полагаясь на Бога, верую, что книга всё-таки состоится, так или иначе, увидит свет и всё же найдёт своего читателя. Любое доброе здоровое зерно всегда даёт свои всходы. Любой кактус нет-нет да порадует глаз человека своим удивительным и прекрасным цветением.

Неужели моя книга «ДОРОГА К СЫНУ» о величии человеческого духа и необъятности человеческого сердца хуже этого?

**Андрей Сметанкин,
г. Душанбе, Республика Таджикистан,
22.01. 2021 г.**

Часть первая (ОТ АЛЕФА ДО КАФА)

Глава первая

Кто поведаст свету забытое священное предание, тот удостоится блага, равного благу, осеняющего сто борцов, павших за веру.

Священный хадис.

Эта история произошла ранним ноябрьским утром, когда на ещё дремавший Душанбе ложился густой туман. В моём воображении случайного свидетеля той поры стёрлись очертания реального мира, и мысли мои сомкнулись с миром запредельным.

Трудно сказать, было это на самом деле или только привиделось мне...

В то утро я оказался первым и единственным пассажиром троллейбуса. Троллейбус направлялся от парка Айни к железнодорожному вокзалу – это был «1-ый» маршрут. Я вошёл на остановке «Площадь пограничников», сел у окна и стал наблюдать молчаливую туманную мистерию, которая предстала моим глазам.

Вокруг ничего не было видно, куда бы только не устремлялся взор. Только прелая пустота. Город молчал, но в каменных недрах его таилось и билось большое сердце доброго гиганта. Вместе с тем, таилась надежда, что пройдут осень и зима, наступит весна, а с ней придёт солнце-лекарь и своим искусством врачевания излечит натуру этого гиганта от хандры и простуды.

Но лекарь пока не спешил, и город, запеленатый туманом, замер и затаился, ожидая *исхода*, а туман слился с молчаливой сыростью проулков и бетонно-равнодушными торцами жилых домов. Он бежал, торопился, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал, перетекая из одной улицы в другую. И страшен был и прекрасен бег этого марафонца уходящей осени. Туманная муть рыхлым студнем ложилась на землю и разливалась по ней, сгибая дугой и без того согбенную земную спину.

Пусто, холодно, одиноко и скучно раннему путнику. Ты мысленным взором обращаешься к прожитой жизни и подводишь итог прожитым дням, чтобы достойно встретить день грядущий и начать шаги нового человека.

А липкий туман педантично обволакивает всю округу и всасывает в себя, как своеобразный планетарный пылесос, деревья и дома, небо и землю. Всасывает и троллейбус. И тебе начинает казаться, что металлическая коробка городского общественного транспорта вместе с тобой висит в этом невесомом желе так же неподвижно и беспомощно, как стрелки испорченных башенных часов, во всякое время показывающих половину шестого.

Троллейбус висит, а ты, сидя на ободранном кресле, прилипнув растерянно-любопытным носом к холодному стеклу, пытаешься увидеть хоть что-то в этой водянистой пелене и чувствуешь на своих плечах тяжесть всего мира. Сам мир представляется тебе выжатым и обветшалым, как старая половая тряпка, и ты уныло записываешь себя в старики, не видя ни про света, ни радости.

И, видимо, напоследок сгущая краски унылого настроения, безрадостным глазам окружающий мир представлялся перекрученным и склеенным по образцу «ленты Мёбиуса», имеющей один край и одну сторону, – куда не пойдёшь, всюду возвращаешься к началу.

«Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои...»

Таким образом, разум тянулся к размышлениям над природой вещей, которую нельзя постичь, исправить, а вокруг было душно, сыро и зябко. Ты думал выведать тайны мира, а бледное эфемерное существо электрического света, исходящее из салона троллейбуса, мягко ударившись о добродушно-ленивое тело туманного зверя, залёгшего в спячку на пустынных улицах города, возвращалось назад. Оно возвращалось скорее удивлённо, чем испуганно, и тщетно повторяло свою попытку, вроде птицы, которая настойчиво бьётся о стекло, пытаясь вырваться из тесной комнаты в открытое небо.

Было необыкновенно тихо, хотя в тумане любой шорох и писк слышатся далеко и отчётливо. Скажем, в столичном Ботаническом саду только-только упал первый жёлудь, а об этом уже знают и судачат на «Гипрозе» – на западной окраине Душанбе.

«Молодой человек, не скажете, который час?» – раздался голос, и шесть слов, как шесть камней, ударили меня по затылку и, как шесть гвоздей, пригвоздили к сиденью.

Я больно ударился лбом о стекло и почувствовал, как в пятках стало жарко и тесно моей душе. Вопрос был столь неожиданным, сколь невозможным. Ни голоса, ни самого вопроса, по сути, не должно было быть по всем законам естества.

Испуганно втянув голову в плечи, я наклонился вперёд, предвосхищая дурные последствия. Но ничего не последовало, я не выдержал искушения и соблазна человеческого любопытства, оглянулся на голос и увидел старика.

Он стоял надо мной, поддавшись вперёд, как обычно поступают предупредительные и глуховатые люди, и прятал тихую улыбку в иссиня белой бороде. Тёмные землистые глаза его да гусиные лапки вокруг них выдавали в старике добрый нрав и широкую натуру. Душа – при теле, а старик – при зелёном и тёплом халате. Халат из зелёного панбархата отливал живым серебром, словно дрожащий свет на листьях серебристого тополя. Сам удивительный обладатель чудесной одежды так и светился изнутри начищенной медной лампой, отчего казался золотистым облаком света, нежели человеком.

Вежливо наклонив голову в зелёной чалме и приложив правую руку к груди, старик выказывал приветствие и уважение. Другой рукой он придерживал сбитый дорожный посох и держался за спинку сиденья, с тёплой улыбкой наблюдая за мной.

«Который час?» – повторил свой вопрос необычный старик.

Страх прошёл, обыкновенное любопытство сменилось заинтересованностью человека, способного воспринимать факты, какие, порой, предлагает щедрая на выдумку жизнь, и находить в них аргументы. Да, пусть всё идёт своим чередом, а ты, будь добр, ничему не удивляйся: всё воспринимай и на ус мотай. Как говорится, нас этим не возьмёшь, коль не лыком шиты и сахар вприкуску кушаем, так-то!

Так весело думал я, пытаясь разбудить в себе бесстрашие.

Поразмыслив на досуге, я привычно вскинул правую руку к глазам и взглянул на электронные часы. На табло чётко проявлялись почти готические числа, обозначающие первую четверть седьмого.

«Пятнадцать минут седьмого, уважаемый отец, сейчас поедем», – ответил я, обратившись к вопрошавшему, как обращался и обращаюсь поныне к другим старикам – для меня они были и остаются отцами.

«Спасибо, – поблагодарил старик мягким тихим голосом – так цветы шелестят в букете, когда вместе со своим сердцем передаёшь их в руки любимой женщины, – показал глазами на сиденье, рядом со мной, и спросил: – Позвольте присесть?»

Я не смог отказать в его просьбе, хотя нас и было только двое, и он присел. Взглянул в окно, вздохнул, словно не знал с чего начать разговор, обеими руками расправил свою густую бороду, собрал её в пучок, после выпустил из рук и обратился ко мне со следующими словами:

«Позволь мне, о, благородный незнакомец, поведать ушам твоего сердца удивительную и правдивую историю, дабы скоротать унылые часы одиночества. По дороге в город удобно говорить и слушать, а умная и добрая беседа сокращает путь».

Я снова обратился к окну. Поминутно внушая себе, что это всего лишь обман зрения, причудливая игра электрического света и теней, пришедших из утреннего тумана, и плод моего воспалённого воображения, я мысленно говорил себе, что никакого старика, в действительности, не существует. Тем не менее, явственно ощущал его тёплое дыхание с лёгким намёком на аромат благовонной травы райхона (базилика) и видел его отражение в стекле, и я спешно спрашивал себя, как быть.

Наконец, я пришёл к выводу, этот чудесный старик был из породы тех людей – по сути, звучит весомей и определённой, чем неожиданно сгустившийся эфир, – которые неустанно удивляют нас своими чудесами на фоне привычной обыденной жизни. К ним нельзя привыкнуть, как нельзя привыкнуть к алым тюльпанам, открыто растущим среди январских российских снегов, или к двухметровому снеговому, стоящему на низинной равнине под июньским таджикским солнцем.

Правда, голос старика, его манера говорить протяжно, напевно и плавно, будто звучание флейты или струй фонтана, да сама речь и её орнаментальное построение пробудили во мне подозрение, что слышал всё это и, пусть отдалённо, но знаю и помню. Но только – *что? где? когда?* – не могу определённо сказать. Может быть, в детстве, когда читали вслух сказки из замечательной книги «Тысяча и одна ночь».

Мне только и осталось, что повернуться к старику, улыбнуться ему смущённо и виновато, как нашкодивший ребёнок, и принять его просьбу.

«Прошу Вас, уважаемый отец, сделайте одолжение, ибо я – само внимание», – ответил ему растерянно.

И старик начал неспешно и спокойно вести своё повествование:

«Казначей сокровищ слова и дети мудрости, неустанные и прилежные ученики самой жизни, вдохновенные радители истины, наделив свою речь благородными звуками, рассказывают, что не в столь давние времена в снежных горах и в стороне от широких и суетных дорог жил преклонный старец по имени *Якуб* (так мусульмане называют библейского Иакова, мой уважаемый попутчик). Жил он в отдалённом кишлаке, куда осёл не дойдёт и машина не доедет, а только слово человека доберётся и его любовь. Был тот удивительный старик великодушным человеком своей земли и вёл открытую жизнь, так что все сердца соединились в благодарной любви к нему. Люди единодушно советовались с ним и молились о его долгой и благочестивой жизни.

Он же, как Баязид Бистами (знай, мой слушатель, это известный суфий древнего Ирана, и он же – символ святости и чистоты мистической любви), с детства был искренен и чист в собственных желаниях и поступках, как ребёнок, добровольно обрекая себя на отказ от мирских благ – на факр (на бедность и нужду). Только добро и свет были в старике, и старик, уничтожив в сердце своём зло и вред, одаривал своим знанием и любовью, разлитой по земле, каждого, кто верил в пророка Мухаммеда, в Иисуса Христа или Будду, щедро делясь теплом своей души.

За великую любовь, великодушие и милосердие – живую и деятельную доброту, не знавшую предела и различий, – люди и прозвали его не иначе, как Открытое Щедрое Сердце, Дилкушод. Да сопутствует ему Аллах, убирает камни препятствий и продлевает его жизненный путь!

Как он выглядел? Был высок, как тополь, и статен, как кипарис, широкоплеч и благообразен, как гора. Но разве можно сказать, какого вкуса солнечный свет в глазах новорождённого ребёнка? Какого цвета дыхание любимой женщины? Какого цвета колыбельная песня матери? Нет, нельзя! Тогда представь себе, мой добрый спутник, широкое поле, по которому

пролегло сто четырнадцать дорог премудростей Аллаха, 114 сур Священного Корана, и ты узнаешь Якуба.

Он прочитал свою судьбу от алефа до кафа, от кафа до Кахфа, от Кахфа до Парвин – от первой буквы арабского алфавита, символа стройности и одиночества до двадцать первой, символа недоступности, от неё же до священной пещеры, от неё же до блистательного свершения своих дел. И, возможно, знал всё наперёд, но не показывал вида ни людям, ни себе...

Старик окружил долину своего бытия величественными горами прожитых лет, не забыв возвести просторные и ровные, благоухающие и тенистые ущелья своей любви для пешеходов. Бальзам своей любви он разлил по всей земле.

Да, к нынешним дням он многое испытал и перенёс в длительном путешествии по собственной судьбе, когда один только начал считать свой первый-второй десяток открывшейся жизни. Когда второй оставил за спиной третий-четвёртый перевал своей капризной судьбы. Когда третий только сложил пятый-шестой костёр среди ночи опавших листьев лет.

Будто бахр (или море, или стихотворный размер), старик Якуб разливался целым морем и, как бейт (двустипшие), возвышался над миром светлой мечетью своего сердца. Его жизнь, свободная и прекрасная, словно стихотворный размер *газели* (так на Востоке называют лирическое стихотворение на тему любви, мой уважаемый друг), словно певучая речь его свободолюбивого народа, обласканного солнцем, была примером истинного мусульманства и образцом для подражания. По вкусу он был материнским молоком, по цвету – белоствольным райским деревом, осеменяющим безраздельную и возвышенную царственность трона Аллаха, оно же туба. А выглядел, как раскрытая коробочка седого хлопка в мозолистых руках легендарного пахаря таджикской земли Адама-земледельца.

В стороне от широких дорог и лицемерных людей, с нечистыми помыслами, словами и поступками, стоит тот кишлак. Чуть ли не у самого подножия царства Аллаха Великого и Милосердного располагается само селение. Старожилы утверждают, что в погожий летний день они различают в небе и огромный белый величественный цветок, лотос крайнего предела, и само чудесное дерево. По словам уважаемой и почтенной старости, эти удивительные картины парят в лучезарной высоте и переливаются радужными красками, как водянистая пыль фонтана, пронзённая солнечным лучом.

Нельзя не верить старым людям, поскольку каждый житель кишлака – и старый, и малый – чист пред Аллахом, людьми и собой, как первая снежинка на чёрных ресницах земли, как первый вздох новорождённого, не осквернённого ещё ядом земной суеты.

Якубу было столько лет, сколько снега лежит на самой высокой горе этого края, сколько камней лежит на дне быстрого и могучего Пянджа, сколько солнечных цветов ежегодно выпускается в изумрудных руках животворящей Бахор, вечно юной и желанной Весны.

Жил старик Якуб один, если не считать Рекса.

Это была горная лохматая чёрная собака, будто вымазанная сажей в горне кузнеца и похожая на страшного дива из бутылки царя Сулеймана (мой слушатель, так мусульмане называют библейского царя Соломона, якобы заточившего в бутылку всех дивов и джиннов – иначе говоря, злых духов и демонов). Собака была верным другом и помощником старику и являла собой одно из чудесных творений великого Аллаха.

И называли этого грозного пса столь необычным именем для восточного уха, отдавая дань уважения и памяти забавному герою польского мультфильма «Приключения Рекса». Уж очень нравился Якубу этот весёлый, находчивый и неунывающий мультипликационный персонаж.

Но бывало, старики говорили о том, что в стороне от Якуба оторванным листом живёт в Душанбе его единственный постаревший сын. Лет тридцать назад, когда парню исполнилось двадцать лет, спустился он в долину за лучшей долей, там и остался, не вспоминая об отце. Прошло время, и забыли о сыне старика, а потому говорить об этом больше не стоит. Стоит ли говорить о талом снеге или облаке, унесённом ветром?

Только старый плюшевый медвежонок – подарок пятилетнему мальчишке ко дню рождения – помнил об ушедшем стариковом сыне и своём друге и тосковал вместе со стариком. Первый – одиноко жил в своей судьбе, второй – сидел на своей полке.

(Заклинаю тебя Аллахом, терпеливый мой слушатель, не забывай своих стариков, не бросай их на одинокую и холодную постель старости, не обрекай на мрачное и постылое одиночество сердца. Будь милостив к ним и благочестив, не оставляй на закате судьбы, ибо тот закат триста тридцать три раза повторится в тебе самом и соком горечи продлится в твоих корнях.)

Так вот, жил старик, далеко зашедший в годах и окружённый своими земляками, что были ему родственны по духу родной земли и великой любви, дарованной самим Провидением. Трудился старик на участке земли, как тысяча джайнамазов (ковриков для молитвы), выращивая пшеницу, изготавливая муку и выпекая лепёшки, что по вкусу были сродни волшебному хлебу с достархана (скатерть; образно говоря – обильное угощение) Всевышнего, а Всевышний свой хлеб готовит из созвездия Девы, Небесного колоса. Как за малым ребёнком старик ухаживал за горной яблоней, высаженной в день рождения сына и в день смерти своей возлюбленной Саодат – любимой женщины, по имени Счастье. Она, как шахид или доблестный воин, погибший в бою за веру, как зерно в земле, умерла, даруя жизнь новорождённому сыну – умерла за любовь, и душа её вознеслась в райский чертог. Молодого Якуба это ничуть не утешило, и он счёл себя виновным в смерти любимой жены. Возникло неодолимое желание покончить с собой в тот горестный и тяжёлый день.

Но Аллах Мудрый и Справедливый всё видит, слышит и понимает...

Вечерами, оставив за плечами груз дневных работ и забот, когда воспоминания одолевали его, старик играл на дутаре (двухструнном музыкальном инструменте) и пел песни.

Будь то зима или лето, осень или весна, будь то трескучий мороз и большой снег или белое солнце и летний зной, днём и ночью, в горе и радость шли к нему люди. Кто-то слушал нестареющий дутар и седого соловья, а те звенели ручьями, не уступая друг другу. Кто-то приходил полистать новые книги и почитать свежие газеты, доставленные очередным вертолётком. Кто-то навевался посмотреть телевизор. Кто-то спешил поделиться своей бедой или спросить совета, и старик никому не отказывал в радушии и гостеприимстве. Словом, дом Якуба был не столько кишлачной библиотекой, сколько негласным местом первых встреч и последних расставаний, пристанищем и прибежищем для каждого, кто стучался в двери его великодушного и просторного, безраздельного и безграничного дома любви.

И всё было хорошо до поры до времени. Звенел дутар, пел старик, слушали и радовались люди. Дети играли в деревянные лошадки и тряпичные куклы. Пришедшие женщины готовили ужин и пекли лепёшки в арлане, как говорили одни горцы, или кичоре, как говорили другие, называя так свои местные печи, в ту пору, когда низинные таджики называют их тандырами. Мужчины чинили сапоги и домашнюю утварь или сидели, молитвенно закрыв лицо руками и читая священные хадисы, чем испрашивали благополучие грядущего дня.

Вдруг в долину пришла беда, и сын поднял руку на отца, отец – на сына, а брат – на брата...

Клянусь чистой водой священного источника, что близ храма Каабы в Мекке, Замзама не было ещё на многострадальной таджикской земле страшнее беды, чем эта.

Тревога поселилась в кишлаке Рубоб, ибо сельчане забыли, когда в последний раз видели людей снизу. Вертолёты давно не прилетали. Никто не приходил из долины. Страшно и опасно стало ходить по горам, ибо на камни благочестия опустилась чёрная ночь человеческих душ. В горах появились чужаки. Они по своему капризу делали воду красной и, вопреки воле и участию Аллаха, самовольно гасили чьи-то звезды на небосклоне Судьбы.

Жители горного кишлака в один день оказались на острове, отрезанном от всего мира потоком безрассудства и жестокости. Люди оставили газеты и книги, и те пылились на полках и столах. Люди забыли на время свою немногочисленную домашнюю живность, и та кудахтала,

блеяла и мычала в стойлах и на насестах. Сами хозяева с тревогой на глазах и болью на сердце смотрели телевизор, если работала динамо-машина. А так, за экономией солярки, не часто включали мощный дизельный движок, который обеспечивал достаточной электроэнергией дом старика; движок когда-то подарили пограничники. И тогда гости молчаливо смотрели, и каждый – в свою сторону, не видя друг друга. Никто не мог понять, как и почему случилось всё это. Есть ли тому оправдание? Есть ли тому объяснение?

Впрочем, как задумал Аллах, Знаток явного и тайного мира, любое проявление жестокости нельзя оправдать – бросишь ли ты камень в собаку, сломаешь ли ветку на дереве, пройдёшь ли мимо страждущего, обидишь ли словом близкого. За всё, за всё предстоит держать ответ...»

Глава вторая

Во все времена смут и анархии удалиться на молитву также мудро, как совершить паломничество ко мне.

Священный хадис.

«Уважаемый старец, бобо Якуб, как обычно, сидел в своём почётном углу старшинства и уважаемой старости – «пешгохи хона», так называют таджики красный угол. Встревоженный старик, слушая самого себя, как-то потерянно играл и пел. Видимо, надломилась цветущая ветка миндаля стариковой жизни, и листья на ней пожухли. Только обмелел ручей его судьбы – вода последних дней ушла в песок, оставив тревогу и смятение. Только солнце души закрыли тучи сомнений о разумности человека и его первенстве в мире вещей и событий. В эти горькие дни ожидания, а каждый житель кишлака ждал с долины вестей, больше добрых, чем дурных, Якуб Дилкушод был одинок среди людей, среди своих земляков, как светлая слеза Аллаха, на почерневшем леднике времени. Вокруг было людское море боли и печали, старик сливался с ним, не выпячивая собственное давнее горе, и всё же оставался одиноким.

Старик, оставив игру на инструменте, час за часом перебирал лазуревые чётки – подарок сына до случившейся ссоры – и беззвучно читал молитвы, вознося хвалу Всевышнему творцу, и спрашивал себя: «Почему случилась эта беда?»

До шуток ли, до песен ли ныне, когда землю заливают обильные потоки материнских слёз, а Диджла-река полна человеческой крови – полна скорби великая река Тигр. Понимал старик своих земляков. У многих кто-то из родных и близких жил внизу, в долине – друг, сестра, отец или мать. Беда общая, а переживания – личные, и всё покрыто мраком неведения. И только один Аллах может раскрыть тайны человеческой судьбы, кому пожелает и насколько пожелает.

«И поднесли бокал к тоскующим губам,
И выпили судьбу с печалью пополам...»

Так, в давние годы рассказал поэт о том, что «...кувшин с вином нетрезвая рука швырнула вдруг в припадке злом на камни погребка».

Да, было больно и тревожно, но люди не охладели к чужой беде. Глаза их по-прежнему лучились солнцем, но сегодня они закрылись пеленой испарений случившейся беды. Сердца их по-прежнему стучали по крыше бытия весенним дождём, но сегодня бились глухо и лениво, как большие камни на дне реки. Души их по-прежнему струились светлой и чистой влагой, но сегодня райский источник, Сальсабиль истинной веры замутился илом человеческого безрассудства и ушёл в подземные глубины от гнилостного дыхания двухцветного пса лживого и порочного, подлого и продажного мира земных людей.

Каждый старался не поддаваться неутомимым призракам страха. Каждый знал, что у Жизни или Здания двух ворот есть только два дня и две части – рождение и смерть, радость с покоем и ясность с печалью, а люди приходят из небытия и возвращаются обратно. Они приходят в этот мир, чтобы прославить Аллаха, всё живое и разумное, и в сердцах и умах людей торжествуют радость и ясность, и люди уходят, оставляя всё это после себя, но никак не другое.

Но только д р у г о е уже случилось, и все увидели, какое оно страшное, низкое и гадкое. Стало больно за человеческий род, поскольку даже шакалы не идут стаей на стаю себе подобных, поскольку в грязном теле отверженных тварей бьётся воистину живое сердце, не омра-

чёрное ядом наживы и скудоумием мести. Эти твари способны искренно любить друг друга, любить своих шакалят и защищать свою семью.

(Свидетельствую, нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Его. Я говорю, мой юный друг, нет под луной и звездой страшнее и несчастнее существа, чем сам человек, ибо он себе и скорпион и лань, он себе и чинара и топор.)

Бобо Якуб сидел в своём углу и был благодарен сельчанам за то, что в тяжёлые дни испытаний, думая о собственных тревогах и огорчениях, люди были рядом с уважаемой и почтенной старостью. Не оставляло старика и само Время. Оно, заблудившись в морщинах его лица и в седине его бороды, благоговейно прекратило свой ход и почтительно встало на колени перед лицом прожитых лет и пережитых испытаний и лишений.

Только слёзы текли по лицу Якуба Дилкушод крупными жемчужинами душевной чистоты старого человека. А старику не хотелось, чтобы посторонние видели солёную жидкость его тревог и сомнений, его печалей и болей – видели и невольно били бы по сердцу своей жалостью и своим беспомощным соучастием, когда у самих случилось не меньшее горе. Это всё равно, что слепому, просящему хотя бы один муравьиный глазок, торопливо и брезгливо сунуть в протянутую руку грязный смятый надорванный рубль...

Казалось, за свою долгую жизнь бобо Якуб износил не одно рубище тяжёлой судьбы, хырку, отчего в колодце его сердца давно бы иссякла живительная влага. Но нет, много износилось одежд испытаний и лишений, а колодец всё наполнился до краёв. Не хватало только последней капли терпения и утраты, не хватало только камня боли, брошенного в самое сердце старика, чтобы старикова боль выплеснулась через край.

Поэтому старик, спрятавшись от других, плакал в углу своего горя.

О, как велико было его горе – выше всех гор планеты и выше того, если бы Аллах вдруг составил друг на друга все известные горы Земли. Как велика была его боль, и не было на земле столько воды ни в реках, ни в морях, ни в океанах, сколько страданий было на сердце старика. Как необъятна была его любовь – не хватит ни слов, ни людей, ни звёзд Вселенной, чтобы рассказать о ней всему подлунному и подсолнечному миру.

Старик болел и переживал. Волновался и мучился. Огорчался и тосковал за каждого человека – будь то сын, односельчанин или житель далёкого края, живущий по ту сторону земного шара.

Старый музыкант и певец, мутриб, труженик и мудрец до разрыва сердца, до разрыва мозга, до разрыва души, страдал оттого, что внизустряслась большая беда. Старик понимал, что он своими силами слабого пожилого человека бессилён что-либо изменить и остановить. Он бессилён остановить ангела смерти, Азраила. Бессилён погасить зловещие костры жестокости, утешить тысячи пар материнских глаз.

Понимал это Якуб Дилкушод и плакал от жалкой тщётности своих помыслов и страшной неотвратимости случившейся беды. Так было уже в роковой час, когда Саодат успела прошептать: «Простите, Вы не виноваты, дорогой мой муж, и я люблю вас обоих!» – и её душа покинула свою телесную обитель. Он же, внутренне погасший, словно костёр, залитый холодной водой утраты, тогда ещё молодой и крепкий человек, долго и непонимающе стоял над безжизненным телом своей безвременно почившей дорогой супруги.

Тогда он стоял над завьюженным лицом погасшего счастья – это внезапные снега смерти покрыли некогда цветущую долину жизни, и там разбились и погасли рассветы. Последний румянец лучистым снежирём, словно живая искра огня, возвратился к своему вековечному домашнему очагу – к солнцу. А Якуб, мрачной скалой встав над бездыханным телом жены, бессмысленно смотрел на её обесцвеченные и тусклые, некогда голубые и нежные глаза. Глаза остыли, и два осколка освобождённого неба вернулись к своей ипостаси.

Он стал пить густое чёрное вино её волос, пытаясь привычно согреться. Но вино волос было безжизненным и холодным, словно достали его из ледяных погребов небытия, – не будило

оно кровь, не пьянило разум, не будоражило душу. И его сердце в то мгновение затерялось одинокой слезой на бесконечной груди вчера ещё любимой женщины, а ныне холодного чуждого трупа. Уже не было светлого лица, горячего дыхания и ласковых рук. И сердце Якуба в те горькие минуты желало превратиться в кусочек льда, чтобы и в холодном царстве ночи не оставить в одиночестве любимую Саодат. Чтобы не спешила душа любящей женщины в одиночку сойти в страну теней и затеряться там среди множества себе подобных, число которых способен счесть лишь один Аллах.

Рядом плакал и копошился ребёнок – красный мокрый комочек новой жизни, любовь и красота. В ту пору отчаяния и боли потерянный Якуб не слышал и не видел его...

«Сподат! Саодат! Саодаат!» – всё твердил безутешный человек.

Так было тогда, так повторилось сейчас.

Якуб Дилкушод плакал, чтобы утолить своё старое большое сердце, и верил, что в эту минуту в долине прольётся уже меньше крови и слёз. Он верил, что сам становится большим и молодым, живым и горячим сердцем, которое вмещает весь земной мир, да так, что старикова сердца хватит на всех, и каждый получит равную долю.

Воистину сказано: Дилкушод – щедрое открытое сердце! Велик Аллах, и велика его любовь к человеку!

«Бад бахта аз паси бадпахти», говорят таджики, «беда одна не ходит». Когда в долине падает камень, в горах сходит снежная лавина. И каждый испытывает на себе смрадное дыхание смерти. И дух злобы, Иблис, дух коварства и хитрости, украшает чёрное дело в чужих мыслях, вкладывает его острым и грязным ножом в чужие руки, и приходит горе чужими ногами в мирный дом, и разрушает домашний очаг и гасит светильник человеческой жизни.

Как сказал поэт:

«День погас, и воздух стал тогда,
как вихрь сизый.
Как вихрь сизый, стало всё,
и с бахромой – предметы...»

Однажды, в один из зимних вечеров, а зима в горах наступает быстрее, чем гаснет спичка в долине, и в этот далёкий мирный кишлак пришла беда...»

***

Мой удивительный старик-рассказчик тут замолчал, вложил свои чётки в рукав, отвернулся к окну и смахнул с лица невидимую слезу. И слеза рассыпалась, и брызнула искрами на обшарпанную и затёртую резину троллейбусного пола, как падучими звёздами. Зазвенели искры меж троллейбусных кресел, как золотые монеты.

Такова была печаль этого странного старого человека. Такова была старикова мудрость.

Тут вздрогнул троллейбус, и остановился, будто наткнулся на неожиданное препятствие, и замерла машина большой и нескладной железной коробкой перед каплей рассвета, которую плеснула рука Великого и Милосердного на серую палитру туманного утра. Как пред стремительным златогривым Рахшем – это исполинский конь легендарного богатыря Рустама, воспетого Фирдоуси в «Шахнаме», замер троллейбус. Как пред солнечной Симуург, вешей птицей с горы Каф, летящей в высокую даль, остановился троллейбус, и туман стал рассеиваться перед натиском восходящего солнца.

И я повернулся к окну и стал наблюдать фантастическое действо.

Туман стал опадать и садиться на землю каплями росы, и можно было различать серые силуэты домов, что древними стенами выступили из сырой пелены веков. Ты вздрагивал

от внезапного удара в окно корявой ветки придорожного дерева, что сказочным великаном неожиданно вышло из пустоты туманного мира. Ты различал в высоте дырявый халат проходящей мглы, наскоро наброшенный на голое тело просыпающегося неба, чтобы сокрыть его от нескромного взора человека.

Своим взором обратился к старику, и мой чудесный рассказчик вынул лазуритовые чётки, и от них заструилась тёплая синь свободного чистого небосвода, по которому горячей лепёшкой катилось свежеиспечённое солнце. Стало светло и спокойно. Усталый свет салона, до этого тщётно пытавшийся пробить пелену утреннего тумана, казалось, облегчённо вздохнул и тихо скончался в этих мягких и нежных потоках. Он скользнул к нашим ногам лодочкой лепестка отцветшего электрического света и исчез.

Тренькнул электрический сигнал, лёгкая дрожь пробежала по металлическим членам троллейбуса, и машина двинулась дальше, а я снова прилип к окну.

Ключья тумана, сворачиваясь недовольной гусеницей, которую ткнули жгучей иглой солнечного луча, припадали к земле, таяли на ней и обнажали город. Город зябко стоял в сырости слежавшихся листьев. И мнилось, что именно они виновны в рождении недавнего тумана, который вышел из опавших дней, явлений и событий.

Рядом вежливо прокашлялись, явно напоминая о себе, и я оторвался от окна. Белобородое лицо благородной старости удивительного пассажира пролилось на меня звенящим ключом солнечного света, покорило всё моё физическое и духовное существо, и я снова оказался во власти очарования прекрасного сердца, умытого росой нестареющих глаз.

Старик сказал мне тихо и мягко. Вернее, пропел свою просьбу плавным и гибким созвучием речи и движением мысли. Это воплотилось в словах и устремилось от сердца к сердцу:

«Позволь мне, о благодарный слушатель, во имя Аллаха и всего сущего на этой земле – великой, как Вселенная, и малой, как атом, – продолжить свою историю. Она написана не столько иглами в уголках внимательных глаз, сколько светлой рукой на белых страницах души, не тронутых растленными пороками пёстрого мира. Она служит не только назиданием, но и примером большой искренней и открытой бескорыстной любви. И, как сказал один мудрец – да укрепит Аллах сподвижников его и увеличит мощь его достойных потомков и осенит их на веки веков сенью царства и могущества своего, а всё живое озарит справедливостью и милостью своей, – „если мир – во мне, а я – в мире, то вместе – истина!“»

Сказал это удивительный старик, сотканный из тумана, солнечного света и небесной синевы, и слова его с новой силой зазвучали в моей душе. Так водяной поток, на миг застывший над пропастью, очертя головой падает вниз, разбивается в брызги об острые зубы скал, собирается внизу в новый поток и слагает новый гимн торжества и величия жизни.

Нельзя было не согласиться с тем, чтобы дослушать удивительный рассказ удивительного старца от альфы изложения до омеги восприятия, от алефа предложения до кафа согласности, от аза душевности до ижицы признательности И я обратился к нему всей сутью своей – стал его ушами, глазами и устами, оставив при себе своё – ум, сердце и душу. Как хум, большой глиняный кувшин, я приготовился для хранения вина стариковой занимательной и необыкновенной истории.

«Нет мощи и силы, кроме Аллаха, нет мудрости и любви, кроме Ваших слов, великий старец, и чистые страницы моей души...» – начал я свою изысканную и красивую речь, под стать необыкновенному старику.

Как только первые слова сорвались с моего языка, старик только недовольно поморщился, будто желая вкусить спелой хурмы, он получил недозрелый лимон.

Троллейбус судорожно дёрнулся и снова остановился, и туман, как прежде, мокрыми разлапистыми листьями стал налипать на окна троллейбуса.

«Помолчи, мой нечаянный спутник, не способный отличить «стих» от «ячменя», – сказал старик не то сердито, не то ласково, пряча улыбку в своей бороде. – Не будь пустым горш-

ком с трещиной, и простит Аллах твой длинный глупый язык. Ты меня не знаешь сегодня, а я не знал тебя вчера – ни к чему такие речи. Ведь я прост, и проще меня ещё нет на этой земле, – обыкновенен, как все предметы, что ты видишь вокруг себя, ибо я – свет многих и отражение в себе, – замолк, подумал здесь старик, помолчал и после добавил: – Не сердись, поскольку сказано: «Кто сердится на мудреца, тот полагает глупость за отца!» И ещё, спутник моей беседы, послушай стих Абдуррахмана Джамии – одного из прекрасных цветков пышного гулистана, цветника восточной поэзии. Имеющий уши да услышит, имеющий разум да поразмыслит, ибо прошли времена, а лицемеры остались:

«Ханжа кривит в тупой улыбке рот,
И взгляд его блуждает, как в тумане.
Он человеком быть перестаёт
И приближается по виду к обезьяне...»»

Старик умолк и отвернулся к окну, как бы давая понять, зачем разговаривать с человеком, готовым угождать и расстилаться достарханом радушия пред каждым незнакомым прохожим, не зная его, хоть и убелён тот сединами? А впрочем...

Но выслушав удивительного старика, мне почему-то стало стыдно вдвойне – пред моим чудесным незнакомцем и пред тем, кто «родом из Джама».

Одним словом, уколовшись о розу чужой мудрости и проглотив горькую пилюлю собственного невежества, я старался не падать духом, хоть и не мог отличить «стих» от «ячменя». Как позже узнал у Абдуррахмана Джамии, эти слова («стих» – «ши’р» и «ячмень» – «ша’ир») в арабской графике близки по написанию. Если человек не умеет их отличать друг от друга и путает значки для передачи гласных, то выказывает свою безграмотность.

Я удручённо взирал на мир широко открытыми глазами, как странник, в сапогах которого вылезли гвозди и впились в подошвы путника, когда тот начал своё путешествие. Только он и должен решить – или снять обувь, загнуть гвозди и снова обуться, чтобы продолжить свой путь, или терпеть ненужную боль, или малодушно вернуться назад?

Кратко говоря, на выдающегося деятеля культуры и литературы средневекового Востока, учёного-энциклопедиста и духовного наставника многочисленных учеников, каким был поэт Джамии, и, вкупе с ним, на эфемерное создание в обличье благообразной старости, сидящей рядом со мной, я не сердился. Как можно?! Я медленно приходил в себя от потрясённого самолюбия. О, как мы порой страдаем от мелких обид, сказанных нам в лицо. Но как мы радуемся, когда на чужие спины валим надуманные горы собственной пошлости и ерунды, считая себя за смелых и справедливых людей и последней инстанцией, владеющей истиной.

Продолжая философствовать подобным образом, я упрямо смотрел в окно, будто ничего не случилось, будто моя философия не получала звонкого щелчка по носу. А старик, не подавая вида, сидел на своём месте, добродушно поглядывал в мою сторону, пытаясь уловить настроение своего соседа. Он тонкими пальцами, будто десятью каламами (тростниковыми перьями, или, как сейчас говорят, карандашами) сдвигал лазуревые зёрна по зелёному шёлковому шнуру, что представлялся упрямым и стойким стеблем пшеницы, держащим утяжелённый колос зрелых слов молитвы.

Туман за это время заметно поредел, и, будто из пустоты, явственно проступили дома, деревья, машины и люди.

Последние, вбежав в троллейбус, занимали места и с детской радостью смотрели, как в синей луже открытого неба распушился желторотый воробей ещё тёплого солнца кануна ноября, склёвывавший на земле остатки тумана.

Наконец-то, пришёл твой лекарь, мой милый город, твой золотой чудотворец пришёл! Прогнал он туманного бестелесного зверя, который чуть не пожрал твою рукотворную плоть.

Излечил он твою душу и сердце, наполнил светом и теплом и покрыл твоё озябшее тело голубым покрывалом небес. Да хранит тебя Аллах, мой Душанбе, оберегает твоих жителей от всевозможных бед и несчастий, и да будет так, по словам моим, омин!»

Глава третья

О, рабы божьи! Лечитесь! Ибо Всевышний создал лекарство от всех недугов.

Священный хадис.

Хоть и сказал когда-то Джами: «Не надевай покровов голубых...», и сказал это в «Книге мудрости Искандера», когда женщины в давние времена, выражая свою скорбь, носили голубые одежды, но ты, мой добрый милый город, не спеши сбрасывать с себя голубую кабу, одежду, достойную каждого мужчины. Ведь голубой цвет – это не только цвет печали, но также цвет радости и нежности. Это голубые глаза любимой, глаза далёкого моря с белым пароходом мечты, глаза нашей планеты, если стать к ней лицом на расстояние вытянутой орбиты.

Итак, с выздоровлением тебя, мой славный город, – милый сердцу друг и уважаемый отец, верная подруга моей судьбы и любящая мать моей души. В свои преклонные годы ты смотришься ещё молодцом и – тьфу! тьфу! тьфу! – не берут тебя ни бытовые потрясения и неурядицы твоих жителей, ни кризисы и социальные спады, и ты, по-прежнему, остаёшься нашим надёжным и прекрасным домом, где каждый может обрести поддержку и участие, кров и уют. Оставайся же, мой город мальчишек и девчонок, юношей и девушек, мужчин и женщин, отцов и матерей, благообразных стариков и прекрасных старух, – оставайся молодым и здоровым, живым и деятельным.

Пусть и катает нас по зелёному сукну жизни судьба-злодейка, и приходится иногда плакать в кулак от бессилия и отчаяния, а порой – от собственного несовершенства, мы твёрдо стоим на ногах и не опускаем руки. Пусть мы грустно смотрим по сторонам, пытаюсь понять, где мы оказались, и что с нами случилось, что будет с нами завтра и что станет с нашими детьми. Пусть устало и неровно бьются наши сердца, пусть в тишине своих домов, в стороне от посторонних глаз бытуют наши души, ты, мой город, мой Душанбе, всё же оставайся бодрым и весёлым, непоседливым и мастеровым, родным и гостеприимным.

Да здравствует, пылкое солнце, влюблённое в жизнь, – пылкое солнце, огнём своей бескорыстной откровенной любви разбудившее досель дремавший мир. Слава Аллаху, слава Великому и Высокому, сотворившему нас и населившему людьми земли и страны! Слава Мудрому и Справедливому, создавшему растения и животных, воду и землю, огонь и воздух! Да будет так ныне и завтра, как было это вчера и раньше – пусть жизнь продолжается, и мы поспешаем за ней, радуясь и смеясь, плача и страдая, любя и надеясь, умирая и заново рождаясь.

Было светло и чисто, легко и свободно, дышалось так счастливо и радостно, будто ты родился заново. Дышалось во всю грудь, как после весенней грозы, как после первого поцелуя любимой Женщины, как после встречи с дорогим и очень близким человеком, которого не видел уж много лет и с которым связаны самые прекрасные мгновения твоей жизни. Видя его перед собой и общаясь с ним, ты чувствуешь, как валится с плеч тяжёлая ноша ежедневных забот и тревог.

Я с некоторой опаской покосился на старика, твёрдо убеждённый, что именно он и вызвал к жизни всю эту красоту – и город, и людей, и чистый солнечный зрачок в голубом глазном яблоке неба. Мой загадочный сосед почувствовал этот опасливый взгляд испуганного человека и ласково тепло улыбнулся – видимо, простил мой поспешный язык. Гибкими толчками изящных пальцев, перебирая лазуревые зёрна своих чётков, он продолжил прерванную повесть под размеренный мелодичный перестук костяшек и добродушное урчание электрического двигателя одухотворённого троллейбуса.

***

«А случилось вот что. Это было горько и страшно.

Включили как-то под вечер телевизор, а на стекле внезапно возникло лицо пожилого мужчины, во весь экран. На лице мужчины – большие огромные глаза, как два осколка мирного неба, разбитого о вздорную землю. Как две смертельно раненые птицы, глаза падали на землю боли и страданий. Птицы падали и просили о пощаде, а земля, будто кошка, поджидала свои жертвы.

Глаза мужчины, как замутированные осенними дождями родники, полные горя и отчаяния, зывали и молили: «О, милосердный Аллах, как больно! Помогите мне кто-нибудь! Отееец!!!»

Никто из гостей, сидевших в доме старика Дилкушод, не заметил, как Якуб вдруг порывисто поднялся, стоило ему взглянуть на изображение лица мужчины и прочитать в его глазах изречение из Священного Корана: «Смерть настигнет вас, где бы вы ни находились!»

Никто не заметил, как задрожал старик всем телом, будто одинокий сухой лист на промозгом зимнем ветру, и закрыл глаза рукой. Только один заботливый и преданный пёс, верный Рекс, был единственным свидетелем неведомого и невидимого горя, что вдруг объяло хозяина со всех сторон, изнутри и снаружи, потрясло его душу и разум, его волю, и повергло старика в уныние. Собака, привстав со своей лежанки, внимательно следила за каждым жестом и движением, за дыханием и самочувствием Дилкушод и своим кротким собачьим разумом понимала: случилась беда!

Умная собака.

«Азиз, сыноок!!!» – тут не выдержал старый певец и музыкант, закричал давно забытым голосом боли, больше похожим на стон, чем на крик.

Внезапно вспомнилось старику, что уже зывал к своей любимой и драгоценной жемчужине Саодат, когда та, вздохнув в последний раз, оставила ему долгожданного сына. Женщина, жена и мать, молчала и была обездвижена, ребёнок плакал и копошился в её ногах, а мужчина, муж и отец, не замечая попервоначалу сына, безумно зывал к своей супруге, отошедшей в мир иной: «Саодат! Саодат! Саодааат!!!»

Теперь боль утраты, спустя долгое время, вновь обрушилась, казалось бы, на забывшееся сердце старика, и человек закричал, но уже громче, больнее и страшнее, чем прежде, чем в тот давний далёкий день: «Сын, я идууу!!!»

Вздروгнули люди, оставили свои дела и тревожно обратились к старику, гадая, что могло с ним случиться. А бобо Якуб сделал шаг к экрану телевизора, и тот погас. Человек качнулся, выпустив дутар из рук, и упал могучим тутовым деревом, срубленным жестоким топором судьбы. Старик упал и смял под собой старый добрый инструмент – мелодичного друга своей одинокой старости.

Собака тут же бросилась к старику, схватила его за ворот халата и стала трясти, чтобы привести хозяина в чувство. Но что она могла сделать? Рекс стоял над поверженным стариком и тихо жалобно скулил, словно сожалея о том, что он лишь жалкая божья тварь, а не человек. Тогда бы он поддержал Якуба. Он бы осторожно опустил на пол уставшую старость или принял на себя удар упавшего старого тела.

Но собачьи мысли опередил дутар (таджикский национальный двухструнный музыкальный инструмент).

Великий и Могучий дал собаке четыре лапы и ни одной руки...

Дутар замер и тотчас затих под стариком. Треснул гриф, порвались струны, лопнул корпус, и всё это осталось лежать под рухнувшим человеком-деревом. Огромная псина лежала рядом, подле хозяина, закрыв глаза передними лапами, чтобы никто не увидел, как умеют плакать собаки. Они всё понимают и знают, только рассказать об этом не могут.

И никто не заметил, что одновременно со стариком упал со своего места – с полки на стене, которую когда-то повесил молодой ещё Якуб для своего сына – старый плюшевый медвежонок.

Гости, бывшие в доме старика, а это мужчины, женщины и дети, бросились к упавшему хозяину, осторожно подняли его и нежнее, чем новорождённого ребёнка, положили его на мягкое национальное одеяло, тёплую курпачу, и заботливо накрыли густой шкурой медведя, который уже стал редкостью в здешних краях. Женщины отослали мужчин, завозились над стариком, сняв халат и раздев его до нижнего белья. Согрели воду, сделали настой из горных трав, а мужчины принесли крепкое вино, способное поднять не только больного, но и мертвеца.

По обычаю и стар и млад стали причитать и оплакивать больного старика, чтобы обмануть всеведущего ангела смерти Азраила и отвлечь бобо Якуба от преждевременного свидания со своими предками. С другой стороны, люди удивлялись тому, насколько разнообразны и различны воля и решения Всевышнего Творца, в славном чертоге которого нет места человеческой мысли, куда не имеет доступа простой смертный, сотворённый из глины – отсюда и тварь, от «творение».

«Слава Аллаху, Господину миров!»

Все жители кишлака погрузились в бескрайнее море изумления, единодушно признавая могущество Аллаха, и радостно закричали, громко восклицая: «Да, да, только Ты есть наш Господин! Пусть всё случится и станет по воле и правде Твоей!»

«И спросил голос: „Не Я ли ваш Господь?“ И ответили: „Да!“»

Соблюдая обряд траура, люди принялись успокаивать друг друга, утверждая, что в этой бременной обители земных тревог и несчастий никому нельзя избежать подобной участи. Они понимали, что ни вопли, ни причитания не помогут случившейся беде, но так повелось испокон веков. Осталось терпеть и жить с верой и любовью Аллаху, и с любовью к его многочисленным тварям. Остаётся только надеяться и верить, что простой смертный Якуб Дилкушод, настанет срок, как светлый собеседник, надим будет призван в небеса и станет приближённым к Господину земного и космического мира, ведя мудрую беседу и принимая участие в развлечениях Всевышнего. А Тот за послушание и кротость, любовь и терпение старика, вернёт благочестивого Якуба в объятия своих родных и близких земляков. Ведь однажды Великодушный и Милосердный проявил своё участие к судьбе этого человека.

Было время, что Якуб пристрастился к охоте, но недолго. Не считал он себя правым лишать кого-либо жизни по собственному капризу – не он даёт жизнь, не ему отнимать. Медведя, шкура которого с давних пор украшала скромное жилище Якуба, охотник убил в дни своей молодости. Повалился как-то медведь таскать по овце из общинного стада и наводить страх на всех жителей кишлака.

Попросили тогда сельчане двадцатисемилетнего парня Якуба помочь их горю, и парень не смог отказать общественной просьбе. Якуб отстоял общинное стадо, смертельно ранив медведя, но и горный зверь в отместку страшно помял молодого героя. Когда из кишлака пришли люди, то они испугались, увидев своего истерзанного избавителя от медвежьей напасти. Женщины сразу же стали оплакивать Якуба, причитая на все лады и сожалея, что парень покидает земной мир, так и не оставив после себя детей. Хмурые мужчины отправились в кишлак, чтобы там сладить погребальные носилки.

Только одна Саодат, милая девушка-сирота, красавица и мастерица на все руки, только она верила, что Якуб оправится от страшных ран и поднимется на ноги, что станет он прежним крепким и статным парнем, и она готова дни и ночи прожить с ним рука об руку. Девушка упростила сельчан не торопиться с похоронами, и люди принесли смертельно раненного охотника в его дом. Саодат самоотверженно стала ухаживать за ним, как дочь, как сестра, как мать. И поставила покалеченного человека на ноги – женские руки, душа и сердце порой совершают чудеса, пред которыми сам Аллах почтительно склоняет голову.

Молодые полюбили друг друга, и Саодат стала женой охотника Якуба. С тех пор охотник перестал быть охотником.

Впрочем, давно это было, и не время сейчас вспоминать о былом. Так думал Якуб Дилкушод, лёжа под медвежьей шкурой, когда очнулся, и сознание вернулось ему. Только ныли старые раны, нанесённые мощной медвежьей лапой, и саднило сердце, будто и у него, как у дутара, лопнули от потрясения какие-то струны. И перед глазами стояла пелена.

«Когда наступает судьба, то зрение слепнет», – гласит Священный Коран.

Вот что было с Якубом Дилкушод.

Тем временем сельчане ушли в свои дома, видя, что старик стал отличать видимый свет от невидимого мира, и принесли всё то, чем были сами богаты. Мужчины – мумиё, серу и чёрную минеральную смолу лечебного свойства, тутию и высушенный толчённый алоэ, чтобы прогнать злых духов. Женщины – горячее молоко и мучную похлёбку на топлёном масле с изюмом и орехами, с мелко-мелко накрошенным чесноком, и приправленную жгучим перцем. Люди говорили: напои этим снадобьем камень, и тот поднимется. Дети же принесли фрукты и виноград. Словом, каждый старался чем-то помочь своему самому близкому, дорогому и родному соплеменнику, уважаемому отцу, деду и мудрому товарищу. Ведь Якуб Дилкушод был другом детства стариков великодушного кишлака и добрым учителем их внуков, сыновей и дочерей.

Вот набилась вся кишлачная старость, вся кишлачная молодёжь в просторный дом Якуба Дилкушод, что стало тесно в четырёх стенах. И сельчане заботливыми женскими руками, открытыми мужскими глазами, светлыми детскими сердцами окружили и одарили теплом и вниманием прекрасный цветок человеческой старости – зрелый плод гор и земли, солнца и неба.

В этом мире всё движется по кругу и, поднимаясь вверх, к своему совершенству, снова делая круг. Круги с каждым оборотом становятся всё шире, по возрастающей линии, а предметы, явления и события – искреннее и откровеннее. Стрелки часов – по кругу циферблата. Люди – по кругу жизни. Вода – по круговороту в природе. Так и доброта – от сердца к сердцу, от души к душе, из открытых рук в открытые руки.

И сейчас по этой восходящей живой спирали, от малого витка к большему, катилось яблоко человеческой души. Яблоко было воплощением многих и многих сердец, знавших и любивших старика. И это яблоко поднималось к Садовнику вселенского сада, чтобы попросить Того о милости к старику, о даровании ему здоровья и долгих лет жизни. А знало и любило Якуба Дилкушод всё живое и неживое население дивного и славного кишлака Рубоб – от запеченого сверчка до старого орешника, от недавнего младенца до самого древнего старика. Любили Якуба как замечательного и непревзойдённого мастера своего дела, а также как ненавязчивого мудреца и наставника.

Да хранит Аллах этого человека и продлевает его дни на земле, даёт ему силу и радость бытия, омин!

«„Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха Высокого и Великого!“ Чем мы обидели небо? В чём провинились перед стариком?» – вопрошали себя суровые жители гор, стояли вокруг старика и не знали, чем помочь старому Якубу.

«Аллах пусть снимет с нас ответственность и простит нас», – сказал один из уважаемых стариков кишлака, и все сказали в ответ: «Тот, кто поможет нам, поможет и ему».

Кишлачные старики посоветовались между собой и порешили истопить баню, хамам и помыть старика – если в чистом теле будет чистый дух, то вернётся и здоровье.

«Если Аллах Великий и Мудрый и существует, то существуют и его верные человеческие слуги, почитающие Коран и творящие вокруг добро. Пусть Аллах обидит тех, кто обижает людей, а мы сохраним тех, кого любит Аллах, и поможем им!»

Сказали старики своё весомое слово и помолились они. Вспомнили уважаемые люди, что некогда жил на свете благочестивый Имам Бухари, который прославился тем, что знал наизусть

более трёхсот тысяч хадисов с комментариями к ним, и тем, что написал книгу «Бухари-ий Шериф», являющуюся после Корана блестящим творением мудрости истинного правоверного. Но более всего мудрый Имам Бухари стал известен тому обстоятельству, как его при совершении намаза семнадцать раз ужалили пчёлы. Но вдохновлённый молитвой мудрец совершенно не почувствовал боли, не затаил обиды и мести на пчёл, а поблагодарил Вседержителя земного мира за укусы, сердцем и духом своим возлюбил безжалостно жалящих насекомых и достойно завершил своё таинство веры.

Так и благочестивого Якуба, подумали старики, ужалили в самое сердце пчёлы несчастий, что обрушились ныне на благодатную и счастливую таджикскую землю. С молодых лет и до глубокой старости Якуба Дилкушод отличали непоколебимая преданность своим корням и неиссякаемая любовь к простому комку сырой глины, из которой Аллах слепил человека и вдохнул в него дух жизни и веры. Возможно, справедливо решила почтенная старость кишлака Рубоб, небо вознаградит этого человека за светлую и праведную жизнь и продлит имя и корни его на земле – восстановит ему покой и здоровье. И, возможно, вытащит из сердца занозу боли и печали, которая внезапно свалила с ног такого великана человеческой мудрости и любви.

Собрались старики и прочитали молитву, фатиху о том, чтобы Аллах Великий и Единственный помог Якубу пережить свою нечаянную беду, не сломаться под жестоким ветром судьбы и сохранить ясность ума, силу рук и щедрость своего сердца. Пусть Аллах не обременяет его заботами, пока старик живёт среди людей и несёт слова истинной любви и веры.

«От щедрот Аллаха и его милости да простятся людские прегрешения, да развеется в долине гнилой туман злобы и ненависти, да вернётся старику радость и счастье жизни», – сказали старики и отдали распоряжения мужчинам и женщинам, чтобы те приготовили комнату, растопили печь в банном доме и отнесли старика Якуба.

Мужчины и женщины ушли, ушли вместе с ними и дети, а старики остались наедине с больным. Они свято верили, что хаммам, это единственное место, где люди моются и снимают с себя не только грязь, но и болезни и несчастья земного мира людей, и это одно из лучших благ человеческой жизни. Именно здесь, как верили старики, восстанет и окрепнет духом большой труженик и славный сын своей земли. Вольётся в больного человека сила корней, ветвей и листьев таджикского народа, а по древнему, мощному и крепкому стволу истории людей придёт старику здоровье, и он спасётся.

Действительно, бобо Якуб был неутомимым тружеником и достойным сыном своей земли, и нельзя было не уважать такую натуру человеческой природы.

Из старых поясных платков Якуб Дилкушод делал смешные куклы для кишлачной детворы и показывал забавные сценки на кукольных спектаклях, где куклы-платки были, как живые, и дети смеялись и плакали, наблюдая за ними.

Также, помимо песен, игры на дутаре, Якуб лепил горшки, чинил сапоги, помогал сельчанам на общих совместных работах, вроде субботников, хошарах строить дома и месить глину старыми ногами. Умелыми руками он выкладывал домашний очаг, отчего в доме было тепло и уютно. Он как-то починил электронную пишущую машинку председателя кишлачного совета – машинку «Ятрань», – и она заработала лучше прежнего. И ещё люди утверждали (точно это или нет – не знаю), что однажды старик Якуб устранил неисправность вертолётки, и вертолётчики были весьма благодарны старому мастеру. Они зачастую, по-свойски, заходили на огонёк в гостеприимный дом старика – приносили гостинцы, угощения и подарки. Не желая обидеть гостей, Якуб Дилкушод принимал подношения, а как только вертолёт поднимался с площадки и улетал в Душанбе, старик долго стоял на пустынной вертолётной площадке (люди уходили, чтобы не мешать его мыслям). А тот всматривался в необозримые просторы великого неба, где растаяла винтокрылая машина.

Старик долго стоял, плакал и шептал слова покаянной молитвы. Аллах это видел и слышал – видел искренность и слышал боль благочестивого старца (только тот не считал себя таковым). А слышали ли его в Душанбе?

После бобо Якуб спешил раздать гостинцы там, где в этом больше всего нуждались.

Словом, всё знал и умел этот замечательный старик – быть другом и братом, помощником и отцом и в горе и в радости. Ведь руки человека коротки и слабы, когда дело касается сотворения добра и блага в окружающем мире людей и природы, но они, руки, становятся непомерно сильными и длинными, когда надо согрешить или разрушить. Но благочестивый старик Якуб за долгие годы своей жизни не осквернил сердце своё и рассудок свой помыслами и деяниями греха и разрушения.

Аллах, как известно, в одну руку вкладывает раскаяние и покаяние, пресекая жажду плоти к неблагоприятным поступкам, и укрощает зависть и злобу, как вместилище ненависти. В другую же руку Владыка земного мира и человеческой судьбы вкладывает стремление к Истине, надежду на помощь и выздоровление, чтобы душа человеческая исполнялась любовью и трудолюбием на ниве праведности, а также обретала силу и вдохновение благородного труда и совершенных деяний. Так обе стариковы руки всегда были заняты лишь благими делами, и они несли его соплеменникам и единоверцам (и не только) радость и счастье, укрепляя дружбу между людьми и веру отцов. И стоит ожидать, что он, по божьей милости, как говорится в священном хадисе: «То, как он умрёт, зависит от того, как он прожил, а то, как воскреснет, зависит от того, как он умер!»

Вот только ушёл Азиз из родительского дома – ушёл по молодости, по горячности. Не понял он своего отца, оставил его одного и поторопился обустроить собственную жизнь.

Но об этом другой рассказ.

А сейчас мы расскажем о том, как больного старика в новолунье, словно младенца, осторожно взяли на руки и бережно отнесли в хаммам. Там больной исцелялся, а правоверный укреплялся в вере – в любви своей к Аллаху и ко всему тому, что создал Он на этой земле, создаёт поныне и создаст ещё – уже после нас.

«Уповай на вечно живого, который не умирает! – говорится в Священном Коране, и ещё: – Воистину, Аллах всемогущ над всеми явлениями!»»

Глава четвёртая

Поступай с людьми так, как ты желаешь, чтобы они поступали с тобой.

Священный хадис.

«В славном кишлаке Рубоб стоит чудесная, баня (хаммам), построенная на радость землякам и на гордость всему горному краю. Люди приходили и приходят сюда из самых далёких краёв и областей, чтобы вкусить неземное блаженство нежности и чистоты, новорождёнными душами отдохнуть в заботливых и внимательных руках самого Всевышнего – простор Ему! – после трудного пешего путешествия по извечно суровым горам. И сегодня в здешний хаммам приходят искушённые знатоки банного дела из России и всей Средней Азии, из Афганистана и Ирана, из Индии и Китая, Европы и обеих Америк. Они остаются довольны местной банной достопримечательностью и не жалеют ни сил, ни времени, ни денег, затраченных на долгий путь, чтобы увидеть рукотворный рай и почувствовать себя новыми людьми. Здесь они впитывают любовь Всевышнего вместе с благовонием сторевшей древесиной алоэ, уда и на мгновение становятся совершенными, а если хватает мужества и смелости, то воплощают совершенство в дальнейшей повседневной жизни.

Словом, каждый обретает свой тарикат, как путь нравственного совершенствования, ведущий к единению с Богом.

Время назад приходили сюда и три художника: один из Пенджикента, другой – из Дели, а третий – из Пекина, и был у них в помощниках местный житель, и вчетвером они расписывали стены занимательными и поучительными сценками. Росписи были выполнены в духе древней таджикской миниатюры, в манере индийской классической графики и китайского средневекового рисунка. Всякий входящий видел на стенах только искреннее и светлое, как заповедовал то Аллах, поскольку там были чистые и прекрасные образы: образы мужчин – в мужских кабинках, и женщин – в женских. Изображённые люди, по непоколебимым правилам шариата, были красиво одеты, и каждый занимался простыми земными делами, радуя глаз зрителя и Всевышнего – работа, дом, семья и отдых. Всё сделано во имя служения Вечному, чтобы люди не забывали, кому они обязаны своей жизнью и смертью.

Казалось, это написано искусной рукой живописца Мани, и его волшебная живопись до сих пор очаровывает и вдохновляет знатока художественной красоты. И как утверждают старожилы кишлака Рубоб, настенная роспись кишлачного хаммама обладает врачевным свойством – исцеляет больных от недугов и хворей. Туда вносят немощного больного, а оттуда выходит уже сам исцелённый человек, здоровый и прекрасный, будто животворное дыхание Мессии коснулось губ его души.

Ещё старики серьёзно поговаривают о том, что это не просто расписанные стены банного дома, а священная книга Арджан – символ совершенной красоты и непревзойдённого изящества.

В каждой комнате и кабинке посетителя ожидают самобытные самотканые ковры или деревянные настилы, чистые полотенца и свежие простыни, а также широкие зеркала в человеческий рост. К тому же к услугам – маленький бассейн для купания, хауз. В воду купальни добавляют настой на лепестках чайной розы. Когда человек спускается в купальню и выходит оттуда, и тело его увлажняется, то появляется бодрость, которая была утрачена за повседневными заботами и тревогами. Затем купальщика усаживают или укладывают под портиком – массажист разминает тело и массирует, а курильщик воскуряет благовония.

Да будет тебе известно, мой внимательный слушатель, как прекрасно лежать и сидеть на чистых и гладких досках, отполированных и отшлифованных множеством тел. Приятно

каждой клеткой своего существа благоговейно ощущать, как твоё возродившееся тело наливается обновлённой горячей кровью под ловкими, скорыми и сноровистыми руками мастера растирания. Волшебно ощущать, как тело становится лёгким и невесомым, а ты чистым и светлым облаком пара от своего дыхания поднимаешься в небеса.

Клянусь жизнью моей головы, кишлак Рубоб стал чуден и известен и благодаря этому хаммаму. Никакая человеческая тварь Аллаха не брезговала придти сюда и сбросить с себя земную грязь. Тело и душа очищались от обывательской скверны, а люди омывались и возрождались для новых возвышенных дел и свершений.

И стоит сказать, что этот чудесный хаммам собственными руками два года возводил легендарный старик Якуб, и он был помощником у художников, расписавших стены банного дома. Когда-то каждый из художников отдельно приходил в гостеприимный дом Дилкушод, вёл поучительные беседы с мудрым хозяином, а тот свёл их вместе и вскоре предложил им расписать стены девственного хаммама. К слову, баня была построена за три года до начала войны, и многим помог чудесный банный дом, многих избавил от бед и болезней и возродил к новой жизни.

Ныне настал черёд и престарелому строителю самому испробовать на себе удивительные и целебные свойства собственноручно построенного и расписанного дома душевной и телесной чистоты.

Когда посланные женщины и мужчины вернулись и объявили, что всё готово для омошения, то старики выступили вперёд и поцеловали землю пред лежащим Якубом, а тот благодарно посмотрел на них и благословил их решение. Подошли сильные мужчины, с четырёх концов взяли края постели, на которой лежал старик, и осторожно понесли больного человека.

Жители кишлака Рубоб верили в местную легенду, по которой тень пролетающей вещицы птицы Гамаюн или Хумая упала на старика, когда тот был ещё ребёнком, и ребёнку было обещано, со временем, стать царём. И он действительно стал царём, но царём любви и великодушия. И потому ничего страшного не должно случиться со стариком, и кишлак, и таджикская земля не осиротеют – не потеряют такого человека, каким был Якуб Дилкушод, кто на службу опоясался к Аллаху.

Мужчины бережно уложили старика на деревянные полки и ушли, и после банщик со всем уважением и почтением к благородной старости помог раздеться старику, и когда тот оголился до своего естества, то достойно принялся за свою работу. Старик ахал и охал, когда банщик хлестал его веником, молчаливо благоговел под сильными руками массажиста, с наслаждением принимал натирания, а ему растирали руки, ноги и всё тело. Доверенные люди ходили вокруг, разбрызгивая целебные настои и распространяя ароматы, воскуряли щепы ароматных деревьев бан и сандал, бросали на раскалённые камни пучки горных трав и сбрызгивали молоко, смешанное с мёдом.

Не прошло и часа, когда всё было кончено. Старика из жара и пара осторожно отнесли в другую сухую прохладную комнату, одели в чистое бельё и накрыли тёплым одеялом, а после дали выпить горячего чая, заваренного на горных травах, и оставили одного. Пусть поспит и отдохнёт уважаемый Якуб Дилкушод, так решили сельчане. Судя по всему, сам Всевышний легендарному старику уготовил великую судьбу, и никто не решился докучать ему в эти минуты.

Люди ушли, выключили электрический свет и закрыли за собой двери.

И старик уснул...

Пространство кабинки, где лежал старик, вдруг заполнилось ярким светом, словно ослепительный цыплёнок солнца проклюнулся сквозь скорлупу непроглядного мрака и распушил свои нежные перья. Раздались звуки, похожие на лязг металла и звон разбитого стекла, и среди удивительного света, исходящего из ниоткуда и уходящего в никуда, появились два ангела. Благочестивая душа Якуба Дилкушод тихо поднялась над мирно и вдохновенно спящим телом ста-

рика и обратилась лицом своим, закрыв глаза в благоговейном страхе, к неожиданным гостям, и почувствовала на себе тепло, словно чьи-то руки коснулись её сути, и душа помолодела.

«Кто вы и зачем вы здесь?» – спросила стариковская душа, и не было в ней ни лести, ни смуты.

«Старик, не хитри, – ответили ангелы, – присмотрись и увидишь!»

«Простите, гости, несущие свет, – ответила душа, – я слеп, и потому не могу оказать вам внимание...»

«А ты, старик, открой глаза и увидишь нас!» – потребовали ангелы.

«Разве это возможно?» – спросила душа.

«Это возможно, как и то, что рука Владыки мира и нашего Господина сняла с седьмого небесного свода твоей судьбы мрачную планету Зухал (мой друг, это арабское название планеты Сатурн) и воздвигла на её месте прекрасную Зухру (а это Венера), – ответили ангелы и строго спросили: – Разве ты не веришь в могущество и существо Аллаха?»

«Как можно?! – испугалась душа, открыла глаза, увидела двух лучезарных ангелов, источающих золотоносный живительный свет, узнала их и назвала поимённо: – Манкар и Накир!»

«Мудрая птица, в силочку угодив, сумеет набраться терпенья», – ответили на это ангелы стихом Хафиза Ширази, величайшего лирика давнего Востока невольно засмеялись и смеялись долго, будто они поели шафрана, вызывающего непрерывный неудержимый смех.

Весь хамам ходил ходуном, и казалось, пройдёт мгновение, стены и крыши рассыплются и погребут под обломками несчастного старика. Душа закрыла глаза и в страхе прижалась к спящему Якубу, ища у того защиты и спасения.

Наконец, смех прекратился, любопытная душа, как и всякая женская натура, тихонько выглянула наружу и увидела, что ангелы стоят перед ней и молчат.

Воцарилось гнетущее молчание.

«Возьмите меня и делайте своё дело – накажите меня», – тихо попросила душа, оглянулась на старика, который всё ещё покойно спал, сделала шаг вперёд, склонила голову и умолкла, покорно встав на колени...

Молчание продолжалось, и уже мнилось, что вселенная и земной мир тысячу раз погибли и тысячу и один раз возродились.

«Ну, что вы медлите? – возмутилась душа, поднялась с колен и бесстрашно встала перед ангелами во весь рост. – Встречайте!»

«Да, мы встречаем души усопших, но ты, уважаемый Якуб Дилкушод, ещё не умер и, похоже, не скоро умрёшь – на всё воля Аллаха!» – ответили ангелы.

«Омин! – сказала душа. – Испытайте!»

«Да, мы испытываем души усопших на прочность веры и они страдают, если согрешили в былой жизни, – продолжали ангелы. – Но ты, старик, за свою долгую и достойную жизнь, ни разу не оступился от выбранного пути благочестия... – тут ангелы замялись, растроганно посмотрели на спящего старика и сказали: – На всё воля Аллаха, и потому тебе дарована золотая газель на семи зелёных лужайках пройденных лет и предстоящих событий. Правда, когда настанет срок и возгласит труба, умрёшь и ты, ибо сказано: „Всё смертно, кроме Аллаха, и всё погибает, кроме Него!“»

«Омин! – сказала душа в молитвенном поклоне и проговорила: -, „Всякий, кто на земле, – смертен, и рождается, чтобы умереть: каждый возвращается к Господину“».

«Омин, – выразили ангелы своё согласие и заключили: – И только, как говорится в Священном Писании: „Он выводит живых из мёртвых и выводит мёртвых из живых“. И вот мы посланы, чтобы исполнить Его волю и вывести тебя, живого, из невидимого мира мёртвых».

«За что мне, низкому праху, рождённому из праха, удостоена такая высокая милость и честь?» – спросила душа.

«Мы ответили на твой вопрос, хитрый и мудрый старик», – ответили ангелы и семь раз ударили в ладоши, и появилось из мрака удивительное и прекрасное, страшное и безобразное животное Бурак, на котором, по преданию, господин пророков Мухаммед совершил свой ночной полёт на небо, мирадж.

Ангелы сели на животное с телом лошади и ногами быка. Морда животного напоминало морду верблюда, но с пятью глазами и семью рогами на голове. Это удивительное животное каждый видел по-своему – в силу своей истинной и прочной веры. Душа стояла перед невиданной диковинкой и думала о том, что образ увиденного чуда, может разительно отличаться от коранических канонов.

Бурак подошёл к стариковской душе, и она доверчиво протянула руки, а животное благодарно лизнуло их шершавым языком. Ладони стали влажными и тёплыми, и внутренние токи прерывистыми толчками перешли от животного к душе, от души – к телу человека.

«Тот, кто ищет спасения у Аллаха, уже спасён!» – сказали ангелы. – «Омин!» – ответила душа, ангелы тронули поводья, и сказочное животное взвилось вверх, а чудесные гости ярким светом своим озаряли себе путь в обступившем беспредельном мраке. Но старикова душа знала, что там, далеко-далеко, откроется предел и ему, мраку. И она стояла, вглядываясь вслед, плакала и шептала слова покаянной молитвы.

Наконец, свечение ангелов погасло, и наступила тьма. Душа оглянулась вокруг. Ничего и никого. Только старик покойно лежал на полке.

«Когда ты замыслил достигнуть вершины,
С добром благородным свой связывай век:
Не в сане высоком величье мужчины,
Причина величия – сам человек», —

это раздалось прощальное слово улетевших ангелов, которые прочитали четверостишие Джамии, украшавшее собой Сад второй Весеннего сада, и изрекли волю Пославшего их: «Ты должен найти своего сына и остановить кровопролитие на благодатной и счастливой таджикской земле!»

«Как я это сделаю? – спросила душа, – я немощен и стар!»

«Не хитри, старик, обернись и увидишь, ... дишь, ... дишь, ... дишь...», – прозвучало напоследок затухающее эхо, и всё затихло.

Душа растерянно обернулась и увидела, как в стороне проступило до блеска отшлифованное серебряное зеркало, в котором отразилось призрачное обличие души, и душа вздрогнула, с трепетом и благодарностью. Она увидела над своей головой божественную благодать, солнечный фарр, нисходящий на избранных лиц, которых свыше призвали править людьми.

«Отныне ты царь над людьми, избранный самим небом, и всё исполнится, по словам твоим и поступкам, и по воле Моей! – неожиданно раздался громовый голос и продолжил: – Как говорится: „Я стану глазами Его, и Он будет видеть мною, я стану ушами Его, и Он будет слышать мною!“ Ты, Мой послушный раб и драгоценный друг, до конца дней своих продел в уши сердца кольцо любви, и Я не могу тебя оставить».

Сказал это Голос и внезапно затих.

Изумлённая душа встала под потолком, потолок расступился, и показалось небо. На нём были облака и звёзды. Облака превратились в белые лепестки нежных цветов, а звёзды – то в золотые монеты, то в драгоценные камни, и всё это посыпалось на стариковскую душу. Волей свыше, совершился обряд осыпания, нисар. Так осыпают невесту у входа в дом жениха. Также осыпают царствующих особ, вступающих на престол. Это утвердило и укрепило душу в правдивости слов Аллаха Великого и Могучего, и Он действительно существует.

«Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник его!» – благоговейно сказала душа.

«Омин!» – отозвалось со всех сторон, и душа сотворила благодарственный намаз, подошла к спящему старику, погладила седую голову и вошла в человека, на груди которого пульсировала большая родинка любви.

Тут снова вспыхнуло яркое сияние, и вышел из него вестник богов, Суруш, который, почтено встав на колени, торжественно возложил к ногам старика зелёные одеяния и пышную чалму из богатой шёлковой материи, зелёного касаб. Эту ткань соткал сам Всевышний, а чудесный хлопок вырос в райских кушах.

«Аллах велик, Он грешному рабу пошлёт через Суруша весть прощенья», – прочитал вестник стих Хафиза, почтительно склонил голову перед спящим стариком и угас; старик снова остался один.

Якуб Дилкушод проснулся и открыл глаза. Он почувствовал, как в недрах его немощного больного существа пробудилось упорное и верное зерно жизни, изгнав хвори и недуги. Якуб увидел в одно мгновение как свет истинной святости, вилайет озарил собой все пределы хамамма, и старик почувствовал, как кто-то невидимый и заботливый одел его – одел в новую одежду. Тотчас в кабину вбежали испуганные люди, которые, увидев отблески яркого света, подумали, что начался пожар.

Можно уверенно сказать, Якуб Дилкушод светом своей души в полной мере угостил своих земляков, как в далёкие былые времена благочестивый Исо Масех (так мусульмане называют Иисуса Христа, мой внимательный слушатель) угощал своих гостей тихим светом лампадки, освещавшей его скромную келью.

«Что случилось? Что случилось?» – наперебой стали спрашивать вбежавшие люди, а старик, облачённый в зелёные одежды, самостоятельно и свободно поджидал их, приветственно протягивая навстречу сильные руки, но, правда, ещё плохо отличая дневной свет от ночного мрака.

И люди, видя его перед собой, воистину уверовали в то, что Дилкушод не жалеет о том, что однажды появился на свет, и, полный сил и энергии, не торопится покинуть земную обитель. И вздохнули люди с облегчением и радостью и поблагодарили Аллаха за прекрасное Его творение, воплотившееся в старике.

Все люди, бывшие в хаммаме, пришедшие на выручку Якубу, обратились лицом к Кыбле, куда обращаются мусульмане во время молитвы – в сторону Мекки. (Это город на Аравийском полуострове, мой внимательный слушатель, где когда-то родился Господин всех пророков Мухаммед. Город издавна считается сосредоточием ислама. Здесь же, да будет тебе известно, расположена священная Кааба. Это мечеть кубической формы, что стоит в Мекке, а в мечети находится священный чёрный камень, упавший с неба.)

Так вот, в тот час, когда люди поспешили выручать старика из беды, завидев дрожащие всполохи света, Кыбла показывала, как поняли после земляки Якуба Дилкушод, не только направление, в котором находится Мекка. Она показывала и дорогу к сыну, и дорогу к миру и согласию, к возрождению и процветанию прекрасной и счастливой, благодатной и щедрой таджикской земли. Если девятьсот девяносто девять дверей дворца будут закрыты, и лишь одна открыта, никто не скажет, что во дворец нельзя войти.

«Каждый поступок влечёт воздаянье, а любое деянье – возмездие!» – прочитали люди стих Хафиза и вместе с Якубом вышли из бани.

За свою долгую и праведную жизнь старик не совершил никаких дурных деяний, чтобы получить за это возмездие, а все благие поступки его приносили лишь воздаянье.

Правда, один раз его душа омрачилась. С тех пор старика тревожила горькая мысль, которая каждое мгновение его жизни была в существовании его сознания. Она злым червем терзала с тех пор, как однажды, в расстроенных чувствах ударил сына по щеке, а тот, по молодости лет и горячности, обуянный великой обидой на отца, ушёл из дома. Возможно, вся дальнейшая

одинокая жизнь и случившаяся болезнь явились возмездием свыше за былое необдуманное и неосмотрительное деяние? На всё воля Аллаха!

Но Аллах простил его, назначив старика своим посредником между небом и людьми. Может статься, и сын простит его?

«Азиз, мой любимый и прекрасный сын, прости своего глупого и вздорного отца. Как говорит пословица, каждый длинный глуп. Тем более, если он стар...» – так думал старик Якуб Дилкушод, когда его, выходя из бани, сельчане осторожно посадили на руки – у старика ещё кружилась голова, дрожали ноги, – и отнесли в дом. Положили на приготовленные курпачи и накрыли прежней шкурой медведя.

«Скажи: „О Аллах! Властелин царства! Ты даруешь владычество, кому пожелаешь, и отнимаешь владычество, у кого пожелаешь; возвеличиваешь, кого пожелаешь, и унижаешь, кого пожелаешь. В Твоей деснице – благо. Воистину, Ты над всем сущим властен“, – так говорили между собою старики, читая по памяти аяты из Благородного Корана, и продолжали говорить. – „Он сбивает с прямого пути или ведёт по прямому пути, кого пожелает, и вас непременно призовут к ответу за то, что вы вершили“».

И ещё просили старики, чтобы воля, желание, божественная сила, способная создавать и разрушать, иначе говоря, машиат вняла ныне просьбам и мольбам всех правоверных кишлака, возродила к жизни старика Якуба и вернула ему утраченное здоровье.

«Иншааллах! – возвестили старики по окончании своей коллективной молитвы, выражая своё желание, связанное с будущим. – Если захочет Аллах! Только у Владыки двух миров ключи к сокровенному!»

Глава пятая

Ни один отец не даст сыну богатства, кроме хорошего воспитания.

Священный хадис.

Катилось яблоко мироздания по спирали бытия и не падало, а катилось яблоко по искривлённому пространству-времени – от сердца к сердцу, и доставалось старику, чтобы снова его оставить. Катилось яблоко, охватившее собой весь мир, и сама вселенная на своих величественных крыльях стремилась в сердце Якуба Дилкушод, да и сам Аллах правил колёса своей арбы к дому этого человека. Если божественная истина всегда сопутствует ищущему человеку, то человек становится близким к Богу, познающим самого себя и то, зачем он пришёл в этот мир, и ради чего живёт на свете.

Итак, катилось яблоко, шло время, текли дни, люди приходили в этот мир и уходили из него, а Якуб всё лежал в своей постели, и сельчанам мнилось, пусть смерть отступила от него, но жизнь не приняла. Как старец из Ханаана, палестинский Якуб, ослеп от слёз, пролитых в разлуке с любимым сыном Юсуфом, так и старец из кишлака Рубоб, таджикский Якуб, ослеп от слёз по Азизу.

Старик лежал под толстой тёплой медвежьей шкурой и, как зерно, лежащее в земле, набирался сил, будто пытался произрасти в этом мире новым человеком. Одна беспокойная мысль, однажды посетившая его горячее сердце и великую душу, уже не отступала от него ни на шаг, ни на миг – тревожила его и волновала, терзала и побуждала жить и не падать духом. Забывался ли он сном, или проводил напролёт дни и ночи, учась заново владеть своим телом и видеть умом и сердцем, а не столько глазами, эта мысль была рядом и стала его существом.

Словом, старания ангелов не прошли даром. Да и как иначе, если это было волей Всевышнего?! Если Священный Коран говорит, Тебе мы поклоняемся и у Тебя просим помощи, то Всевышний не оставит без помощи своих верных слуг, своих детей. Велик Аллах, и мудрости его нет предела!

Шло время; как капли дождя, падали дни на ладонь Создателя и Созерцателя вселенского и земного мира, и каждый день рядом со стариком неотлучно были сельчане. Одни дежурили посменно, другие приходили справиться о здоровье пожилого земляка. Люди радовались его хорошему настроению, огорчались его тревогам и совместно хранили надежду на счастливый исход, искренно полагая, что кровавому безрассудству в долине придёт конец. Односельчане желали Якубу Дилкушод скорейшего выздоровления, читали молитвы – просили Аллаха быть милосердным к старику и ко всему таджикскому народу, и спешили по своим домам, чтобы не докучать больному человеку и не тяготить его мелкими делами повседневности и хлопотами скромного быта.

Да, в долине случилась беда, но в горах и во всём остальном подлунном и подсолнечном мире жизнь продолжалась. Минует беда, опадёт сухой листвой, смочет её дождями возрождения природы и человека, а жизнь так и будет продолжаться и после них – так думали мудрые рубобцы, жители славного и светлого кишлака Рубоб. И пусть это не покорение далёкого Северного полюса, но близкого по суровому холоду и пронзительным промозглым ветрам, а только домашний двор и очаг, твои руки и насущный хлеб, всё равно приятно сознавать себя живым и способным что-то делать. Это добрые и светлые дела твои, которые оставляешь по себе, как Аллах Великий и Мудрый оставляет по себе на ночном небе горящие факелы звёзд, когда сам дневным дозором обходит другую солнечную сторону Земли.

Так думали люди и уходили прочь, следуя мудрому совету, дошедшему до нас из глубины веков и поныне сохранившему свежесть мысли:

«Не докучай тому, кто есть мудрей тебя,
Над ним Аллах Высокий, – Он его судьба!»

Но помимо заботливых соседей, помимо надоедливых упрямых и тревожных мыслей, которые не оставляли старую голову, присыпанную толчёным тальком прошедших лет, днём и ночью возле старика бесшумно находился мощный волкодав горной породы – Рекс. Это был немолодой повеса о четырёх лапах, приятель в радости и друг в беде. Не пёс, а скорее, собачий лев, до того он был собой царственен и величественен – настоящий собачий шахиншах, не иначе, царь царей!

В роскошном одеянии из густой шерсти, цветом тёмного вулканического стекла, обсидиана, с окрасом лунной ночи в магических лучах и с переливами жемчужин солнечного дня, с грозным и светлым взором преданных собачьих глаз. Право, то был не лев, а слон, до того был огромен и могущественен этот верный четвероногий друг. Видимо, пошутил Аллах – не всегда же ему быть серьёзным, а это, порой, так скучно и обременительно. Ради шутки, втиснул Он широкую душу великана в узкие рамки собачьей природы, и та усвоила, в меру необходимости, все собачьи хитрости и повадки, обычаи и взгляды.

Нарисовать живой портрет здорового пса – задача, пожалуй, непосильная. Надо было хотя бы один раз взглянуть на это чудо собачьего мира, чем сто раз выслушивать чьи-то необыкновенные рассказы об удивительной оригинальной псине. Впрочем, невзирая на свои сказочные гигантские размеры – благодатная земля кишлака Рубоб породила и не такие чудеса, – это был самый обыкновенный пёс, и ничего легендарного, чтобы сочинять о нём героическую поэму, достойную пера Фирдоуси. Те же четыре лапы, хотя с виду и напоминают грозные лапы сказочного льва; тот же обычный хвост, хоть и похож на хвост рогатого дива; те же глаза и нос, и зубастая пасть, простите, с ушами. Словом, ничего необычного.

Погодите, получается заминка. Если уж быть честным до конца, то следует сказать, что данный хвост был не просто хвостом, а торжественным знаменем победителя всех кишлачных псиних свар и тайным обожанием всех хвостатых дам. Лапы были не просто лапами, но были как четыре мощных тутовых дерева, в листве которых свивает своё гнездо великая Симург. Чёрный холодный нос – не просто нос, а чёрная льдина с самой высокой горы Небытия. Эта льдина остужала и благоволила нагруженные старческие руки Якуба Дилкушод, спёкшиеся в сплошные мозоли под знойными лучами постоянной работы то в поле, то в саду, то в доме. Не просто глаза, а две карие жгучие звезды, которые перепутали небо с собачьей мордой и остались здесь на веки вечные, сводя с ума всех кишлачных обладательниц собачьего сердца. Пасть, усыпанная острыми клыками и зубами – не просто пасть, а пещера злобного духа-чудовища с клыками и рогами, густой чёрной шерстью, ифрита, где всякий вошедший оставлял надежду на спасение. И уши не уши, а две высоченные горы. Если взобраться на них, то не составит труда коснуться недостижимого, воплощённого в лучезарных звёздах Сурайи, или же созвездия Плеяд.

О голове же особо говорить не стоит, поскольку речь, если обратить её в слова, а слова начертать чёрной китайской тушью на белоснежной китайской бумаге, то весовое значение написанного превысит такой харвар – это груз, равный тридцати тысячам килограммам «выюка осла», который лишь сто ослов смогут увезти.

Итак, это был самый настоящий пёс во всей своей горделивой собачьей красе. Как ты понял, мой слушатель, в своё время Якуб не стал обрубать ни хвоста, ни ушей, как принято это делать в его народе, ради большей злости собаки, и поэтому Рекс щеголял по кишлачным улицам с полным набором столичного обольстителя. И никто не верил, что пятнадцать лет назад это был всего лишь дрожащий слепой и мокрый комок голого красного мяса.

О, это было не просто благородное животное в собачьей оболочке, но был собака-человек, Долгонос с высоченной фигурой, мощной грудью с белой манишкой, басовитым голосом, в котором слились воедино все земные бури и ураганы, тысячи рокотаний и рычаний всех шайтанов и дивов земли: «Гау-гау!» Можно сказать, это был собачий мудрец и философ. Кратко говоря, умная голова, иногда отрешённо склонённая набок.

И сейчас эта голова на груди Якуба Дилкушод наполняла старика детским восторгом и тешила сердце, забирала старикову боль и возвращала старческому телу здоровье, бодрость и силу духа. Старый человек понимал это и чувствовал, благодарил своих земляков и верную собаку и говорил себе с улыбкой на лице и радостным светом в глазах, что ради этого стоит жить!

Старику были известны все повадки его лохматого друга, каждый шаг собачьего озорства и благородства. Это были то съеденные яйца в соседском курятнике, то кусок домашнего сыра, который пёс стащил со стариковского стола, когда Якуб отлучился на время. Или, подумать только, какой «ужжжас!», вчера, как рассказали старику дежурившие у постели сельчане, собака забила в угол и всю ночь грызла «случайно найденную» калошу, которую старик «потерял» пять лет назад. Впрочем, Якуб Дилкушод особенно не серчал на собаку, не журил её, не наказывал, и та сполна платила хозяину своей преданной и верной любовью, на какую был способен не всякий человек, но было способно это большое горячее собачье сердце.

Словом, это был один из необыкновеннейших псов и самый обычный пёс. Он горделиво бродил взад-вперёд возле хозяйского дома, проверял мимоходом все свои кладовые и тайники, делал необходимые метки, недовольно фыркал, натываясь на чужие следы, и бесстрашно увлажнял землю перед самым носом своих врагов, которые «мужественно» лаяли на него из дальней безопасной подворотни.

Это был не просто пёс, а целая находка – волшебный перстень Сулеймана в руках лучезарной старости. И болезнь Якуба уже не казалась такой страшной, а дни вынужденного одиночества не тянулись так долго, а «извечный в мире корень доброты приносил под крышу щедрые дары». Так сказал поэт – да святится имя его в достойных потомках, да продлится счастье той земли, на которой он жил.

Таким образом, прошло время от новолуния до новолуния, и бобо Якуб совсем оправился и снова занял осиротевший без него угол. С каким-то потеряннным видом ослепшего человека он пробовал струны нового дутара. Это был подарок односельчан.

Кто-то две недели провёл в горах в поисках дерева, из которого можно было бы собрать корпус нового инструмента, чтобы тот звучал не хуже своего предшественника, нашёл такое дерево и принёс обрубок мастеру-краснодеревщику. И тот, не долго мешкая, приступил к работе, и спустя некоторое время, оробевшие сельчане целой делегацией, от мала до велика, женщины и мужчины, дети и старики торжественно понесли в дом безутешного Якуба новое музыкальное чудо... Или не чудо?

Ну, как, приглянется э т о старому музыканту? Заменит ли новичок достойно погибшего собрата?

И вот старик сидит в дневном углу, ласково и осторожно держит в руках новый инструмент, как новорождённого ребёнка, и тихо пробует струны. Звучит одна нота, другая, они сливаются в звуки, и уже волшебная мелодия, вобравшая в себя все голоса и звуки прекрасной таджикской земли, разливается по всему жилищу, охватывает собой, как волна, каждого слушателя, выливается на улицу через открытые окна, заливая весь кишлак и невидимой птицей поднимается к солнцу. А над солнцем склоняется Аллах и внимательно слушает мелодию возрождённого духа.

Вдруг замерли звуки, в доме и в природе затихли шаги секунд и шелест звёздного света, пронзающего вселенную и падающего на землю, и повсюду зазвучали ручьи печали. Это по морщинистому лицу старика потекли крупные слёзы.

Человек благодарными губами коснулся корпуса и отстранил от себя новый инструмент. Медленно поднялся и, неуверенно передвигая ноги, вытянув руки перед собой, а его сопровождали мужчины, осторожно подошёл к стене, где висели остатки раздавленного, разбитого дутара. Подошёл и натруженной мозолистой ладонью приласкал изуродованное деревянное тело, а щекой приложился к вдавленной деке, и закрыл мокрые незрячие глаза свои. Якуб Дилкушод отстранил сопровождающих его людей, встал, прижался к погибшему деревянному музыкальному чуду – бывшему спутнику своего одиночества, – и всем телом слушал, как прежний инструмент, прощаясь со своим престарелым музыкантом, заиграл давно забытые мелодии любви и радости.

После старик подошёл к старому плюшевому медвежонку и поблёкшей фотографии давно умершей супруги и долго стоял перед ними, словно советуясь и размышляя.

Так память и любовь, как усердные ученики, голубым мелком продолжали писать на светлой доске стариковского сердца стройный «алеф» стойкости и жизнелюбия, и снова продолжали приходить люди, и слушать старые мелодии и старые песни, но звучащие на иной лад. Только печаль, словно шахский венец, кулах, а ныне символ невысказанной боли, по-старому покрывала живые души людей, приходивших в дом старика. Люди справлялись о здоровье больного, приносили угощения, помогали ему по хозяйству и с тревогой смотрели на тёмный экран телевизора.

Вроде бы, всё оставалось прежним и единым, но разрозненные части целого приобрели новый привкус времени и новое звучание прежнего мира. Да и сам хозяин большого гостеприимного и радушного дома не был уже тем, прежним стариком. В его лице появилось новое, грустное и более одинокое чувство – чувство круговорота человеческих судеб, старых ошибок и новых открытий. То были открытия того, как мало знаем других и ещё меньше самих себя...

Видимо, Якубу, как сказал поэт, «настал черёд навстречу старости своей открыть с поклоном дверь».

Казалось, на лицо человека накинули сетку дождя из тончайших и прозрачайших струй и потребовали носить, не снимая. Казалось, что лицо, оставаясь прежним, всё же стало другим. Особенно, если смотреть на него при закате солнца. Ты видел, как на страницы лет ложатся длинные тени морщин. Неужели листок старика скоро отлетит от ветки дерева земного бытия?

Люди быстро привыкают ко всему, если это не мешает их жизни, и уже успели привыкнуть к этим чудачествам, или таинствам и священнодействиям хозяина дома, которые стали негласным ритуалом памяти и воплощением живой любви. Только не могли привыкнуть к слепоте, которая мутными франкскими стёклами, очками, легла на старческие глаза, и никто из смертных не в силах снять эти очки.

Только по-прежнему гасли звёзды и загорались зори, кончалась ночь, и начинался день, и Якуб Дилкушод, как ветка с тяжёлыми плодами, свой низкий отдавал поклон окружающему миру, а душа его на крыльях мысли устремлялась под высокий чистый взгляд Всевышнего. И однажды в унылой череде ранних зимних вечеров, стариковская душа не удержала тревоги, и та из груди старика через голову вырвалась наружу чёрной птицей печали, забилась в тесноте человеческого жилища, а после сжалась до размера печного уголька, упала, но не погасла.

Поднялся старик, вытянул вперёд правую руку, на ощупь подошёл к тому месту, наклонился, подобрал уголёк, вложил назад, в своё сердце, и, уже в который раз, заученно подошёл к старому дутару, по-прежнему висевшему на стене.

Эти струны, как говорил Якуб, ещё помнят руки любимой Саодат, когда она была молодой, красивой и здоровой – живой, и помнят неловкие пальчики Азиза, когда был тот ребёнком, искренно любящим своего отца.

Правда, наш Лукман, живой реальный человек, а не мифический герой, о котором говорится в Священном Коране, как о муже мудрости и добродетели, не стал сегодня слушать вос-

поминания старого друга – дутара и вызывать бестелесные призраки минувших дней сквозь пелену слепоты.

На этот раз он тихо погладил разбитый корпус музыкального инструмента, поцеловал старого плюшевого медвежонка и фотографию супруги, будто прощался с ними навсегда, подозвал Рекса и объявил всему кишлачному народу, что совсем оправился от потрясения. Он чудесным образом вкусил горячей самбусы, таджикского запечённого пирожка с мясом и луком, из рук ало-голубой красавицы, по имени Жизнь, и снова ощутил себя юношей. Вот только глаза... А что глаза? Они не помешают ему вместе с собакой на днях отправиться на поиски сына – спуститься в долину и найти там Азиза. Азиз, его мальчик, ждёт в Душанбе своего отца, Якуба Дилкушод, поскольку старик нужен своему сыну. Старик придёт и попросит прощения у своего сына за былую пощёчину.

«Я нужен Азизу. Я должен его найти, – сказал старик и решил собираться в дорогу. – Я должен принести слово мира.

Вот что было с ним, и какая мысль посетила старика.

Люди наперебой кинулись отговаривать старика от опрометчивого и безрассудного шага, на их взгляд. Они испугались этой сумасбродной идеи, – какой шайтан нашептал эти мысли, да поразит Аллах его семья, и пусть порождение ночи встанет на голову, когда весь мир будет стоять на ногах! Всполошились люди, загомонили и принялись наперебой ссылаться на ещё слабое здоровье и плохое зрение старика, на старые ноги и старое сердце, которому будет не под силу такая опасная и трудная дорога. Куда идти старику в такую погоду, когда сами дивы и те благоразумно присмирели?

Мужчины отрицательно цокали языками и качали головами – мол, мы не согласны с Вами, уважаемый бобо Якуб Дилкушод. Женщины вздыхали, охали, расстроено всплёскивали руками и украдкой вытирали слёзы: и куда он собрался, старый, – не сидится ему дома что ли: чем мы обидели, чем не угодили? А дети наводили мокроту на глаза и ревели на все лады, выражая свою тревогу и страх потерять мудрого и самого «молодого» старика и верного друга в детских играх и забавах.

Все сельчане в один голос утверждали, что преступно старику думать такие мысли и что ночью он видит, как слепой, а днём – как курица в тумане. Ещё говорили, что старику нельзя тягаться с бедой, которая пришла на таджикскую землю – ему уже не двадцать, когда можно было один на один выходить на медведя. Вы должны, беречь себя, уважаемый бобо Якуб, потому что Вы для всех нас, как родной отец, так говорили сельчане.

Вам не надо помышлять о поисках взрослого сына, продолжали они, – пусть он сам позаботится о себе. Во всём следует положиться на волю Аллаха Единственного и Справедливого и остаться в наших краях живым братом этих древних гор. А будете с нами, то мы всегда поможем Вам, уважаемый старик, и с Азизом там, в долине, ничего дурного не случится.

Вот так говорили люди.

Но старик Якуб был несговорчив. Как упрямый мальчишка, стоял на своём решении, и вскоре – за три дня беспрестанных и горячих споров и людской суеты – упорство старика победило. Только было ли оно похвальным? Никто этого не знал. Нельзя было предположить, как следует к этому относиться. Известно только, что люди не стали ломать голову над тем, кто прав, а кто виноват. Они единодушно пришли к выводу, что мысль о несчастном Азизе, которого Якуб Дилкушод случайно увидел на экране телевизора, победила болезнь, поставила старика на ноги, он помолодел и окреп духом своим. Так что есть надежда, эта мысль и поможет старику найти дорогого любимого сына.

Не было уже таких смельчаков, кто взялся бы оспаривать решение старика, и все находили необходимым, как можно скорее, не мешкая дня, отправляться в долгий и опасный путь, положившись на доброе расположение Знатока видимого и невидимого мира, Аллаха Великого и Милосердного, и взяв себе в спутники верную собаку. Кто ранним утром поднимает верблю-

дов, говорили наперебой сельчане, тот первым приходит к колодцу. Также они говорили, что уже все горы в снегу, от вершин до подножий, и скоро сама зима не сегодня-завтра отправится вниз, в долину. Поэтому следует, внушали старику мужчины и женщины, ноги и голову держать в тепле, а в сердце, подсказывали дети, держать надежду на скорую и счастливую встречу с любимым и единственным сыном. Пусть много лет назад, говорили старики кишлака, между отцом и сыном пролетела чёрная ворона разлада, но упавшее на землю яблоко не теряет своих косточек, и остаётся яблоком – сыном яблони.

Поспешайте, уважаемый и дорогой бобо Якуб Дилкушод, наша радость и гордость, наша честь и совесть, наша боль и тревога, говорили и уже торопили сельчане, искренне полагая о том, что всегда были подобного мнения, и другого быть не могло! Торопитесь, бобо Якуб, будет светлой Ваша дорога: «рохи сафед!»

«О, судьба! Нам законов твоих не понять:
Словно буквы, ты в строчки
нас любишь сгонять».

Это сказал поэт и, как в воду смотрел, но вода ушла, а слова остались, остались люди, которые понесли эти слова из поколения в поколение.

И вот однажды в один из погожих зимних дней, когда взошло ленивое солнце и, зевая и потягиваясь, всё же прогрело заснеженную округу и горы, высыпал на улицу из своих домов весь кишлачный народ. Парадная улица кишлака Рубоб, начинавшаяся просторным домом старика Якуба и заканчивающаяся вертолётной площадкой, где несколько похудевших баранов разрыхляли снег, пытаясь найти остатки осенней травы, вдруг превратилась в гулкий и хлопотливый людской муравейник.

Весь кишлак собирал в дорогу старика, и каждый что-то принёс с собою. Женщины принесли новый дорожный халат и тёплые горные носки, джурабы, что вяжут из шерсти яков, и всё это сшили и связали за одну ночь. Также женщины передали из рук в руки старику сурьму, как средство, по народному преданию, улучшающее зрение, и четыре большие дорожные лепёшки.

Три лепёшки убрали, а последнюю, самую большую, разломали на части, и одну часть повесили в доме старика над входной дверью, другую часть подали старику, остальное поделили между собой, и каждой семье достался маленький кусочек. Это означало, что каждый житель кишлака, независимо от пола и возраста, брал на свои плечи трудности и горести зимней дороги и мог сердцем своим и своей душой перенести и пережить те испытания, которые достанутся одинокому престарелому путнику. И всё для того, чтобы Якуб Дилкушод благополучно завершил свой путь и нашёл Азиза».

Глава шестая

Всевышний не оставит без вознаграждения творящих добро.

Священный хадис.

«Местный мулла от имени веры отцов, дедов и прадедов вручил отчаянному старику древний сборник священных хадисов, как память о родном селении и защиту. Сборник должен был хранить Якуба Дилкушод от бед и напастей долгого и трудного пути и даровать ему надежду на скорую встречу с постаревшим сыном. Недаром же из века в век говорится устами Священного Корана: «Не теряйте надежды на милосердие Аллаха».

Мужчины принесли крепкий и лёгкий хурджин (походный мешок, сшитый из кожи яка). Туда вложили дары земли и плоды человеческих рук, и среди них были три лепёшки, принесённые женщинами. Овощи и фрукты, вяленое мясо и сухие шарики простокваши – всё, что могло пригодиться путешественникам днём или вечером, утром или ночью на мировых дорогах судьбы, поместилось в этом просторном кожаном мешке.

Седые старики, как сам бобо Якуб, ибо нет бальзама против старости, нет утешения против разлуки, подали дорожный посох с металлическим наконечником. С этим посохом подали истину, что дорогу осилит идущий человек. И только тот идущий, кто, вобрав весь мир и земляков сердцем своим, совершает благородные дела и достойно возвращается обратно. Но молчали об этом горы, и молчали люди.

Дети принесли две игрушки: девочки – тряпичную куклу, сделанную из пряжей ниток и одетую в яркие лоскутки, а мальчики – розового всадника на розовом коне, слепленных из глины и обожжённых на огне. Взял старик с любовью и нежностью детские подарки и почувствовал, как небо перестало давить на плечи и пригибать к земле, а в походной обуви успокоились и забылись застарелые мозоли.

Якуб Дилкушод с благодарностью и почтением принял все подношения, кроме одного. Это было старое охотничье ружьё. Старик сослался на слепоту – не успеет сделать и выстрела, как волки десять раз откусят ему голову. На руки сослался, которым роднее и ближе было нежное и лёгкое тело дутара, нежели тяжёлый дубовый приклад, отшлифованный до блеска не одним поколением мужчин горного селения Рубоб. Сослался и на собственную старость и на старость ружейного ствола, уже не раз успевшего побывать в кишлачной кузне. Хоть и довелось однажды из него завалить медведя, старик не возьмёт ружьё в спутники. Да, умеют в горах хранить память своих отцов, хранить традиции и обычаи, но Якуб не в силах принять столь дорогой подарок. Дело в том, что идёт он в долину не железом греметь, а нести людям радость общения и тепло души. Он хочет встретить единственного сына, встать перед ним на колени, поцеловать его ноги и попросить прощения за ту давнюю пощёчину.

А вот хороший крепкий нож – это другое дело. И рука не дрогнет, и глаз не подведёт. Удар будет сильным и верным, как само время, быстрым и точным, как сама молния.

И тут почтенный бобо Якуб вышел на вечерний двор и показал всем искусно сработанный нож собственной выделки из куска вертолётной лопасти, коей презентовали за былую починку. Широкое жало ножа, острое лезвие и наборная рукоятка из цветного вулканического стекла с медным травлением на боках, будто переплетение дивных цветов, никого не оставило равнодушным, а старик стал ловко орудовать им, будто Якуб был не пожилым слепым человеком, а ловким юношей, знавшим технику ножевого боя.

Такой нож позволил многим кишлачным скептикам забрать назад свои сомнения. Они наяву увидели, как старик мастерски, живо и без всякой театральности, со знанием дела владеет ножом, что никакая слепота не является ему помехой. Стальное жало ножа грозно посвер-

кивало в лучах заходящего солнца, а солнце жмурилось, не в силах снести стальной блеск, и торопилось упасть за горизонт.

Солнце устало от крови...

Каждый тут понял, какая страшная сила таится сейчас в руках старика. Все почувствовали, что с таким союзником, как этот нож, не страшны никакие шайтаны и дивы – будь то сам Заххок, отцеубийца и змееносец на своих плечах, или сам Иблис.

С последней подруги Рекса сняли старенький и потрёпанный ремешок с колокольчиком – и среди собачьего племени есть свои непревзойдённые кокетки, – ещё не утратившим мелодичного звона. Колокольчик повязали на мощную шею стариковской собаки, единственного и верного спутника Якуба, и сельчане, дружные рубобцы, пролили слезу расставания, замешанную на скорой встрече.

Старик Якуб, приложив руки к груди, замер в торжественном и величественном ожидании. Незвестность повернулась к нему лицом, и встала перед стариком во всей своей чарующей и пугающей красоте, а старик прочитал в сторону бейт Хафиза:

«О бранных причинах не думай, мудрец, —
И горе и радость исходят от Бога».

Якуб Дилкушод невольно прослезился, после осторожным движением смахнул незаметную слезу и повернулся к родным и близким землякам.

Старики прочитали молитву, где просили Аллаха не отвращать своего лица от раба, прибегающего к нему за помощью. Также они просили Вседержителя мира о том, чтобы тот был добрым и милосердным господином и щадил преданных слуг своих – Якуба и его собаку. Да сохранит Он путешественников от тягот и лишений горной зимней дороги и поможет встретиться двум любящим сердцам, чтобы один пришёл поскорее к другому и стал другом стеснённого сердца.

Мулла возвёл руки и начал читать молитву, провожая в трудный путь смелого старика, который решился найти своего сына и помочь ему. Приложил мулла руки к лицу своему, и пропели старики заключительные слова молитвы, а сам виновник проводов поклонился три раза всему кишлаку, домам и людям, перекинул хурджин и пошёл.

Так начался и с х о д старика от вины к покаянию.

Все закричали ему: «То дидана, бобои Якуб, рохи сафед!» Он медленно спустился к нижней реке, что протекала под кишлаком, и ответил сельчанам в полный голос: «То дидана!»

В доме старика остался сидеть на полке старый плюшевый медвежонок – он ждал и надеялся на встречу.

Люди жгли семена руты и дым развеивали по ветру, чтобы уберечь от сглаза старика Якуба в его долгом и опасном путешествии, а старик иногда останавливался, оборачивался на крики людей, махал прощально рукой и смахивал с лица скупую прощальную слезу.

Рядом трусил Рекс, приоткрыв клыкастую пасть в облаках пара и свесив на сторону огромный красный язык, будто феску проглоченного турка. Пёс ни разу не взглянул в сторону кишлака, где остались скулить и бедствовать кинутые «дамы», и как войск очарованья падишах, сопровождал своего хозяина. Однако не стоит обвинять «мощнотелого» пса в чёрной неблагодарности – только Аллаху было известно, что творилось в глубине души этой широкой собачьей природы.

Собака радостно позванивала колокольчиком, бобо Якуб улыбался яркому солнцу, снегу и камням, и следом за ним летело стоголосое эхо: «До свидания, старик Якуб, счастливого пути!» Он отвечал: «До свидания!»

Вот что было с нашими путниками. И было всё так, как сказал об этом поэт, будто сам стоял среди провожающих и собственными глазами видел медленно удаляющуюся спину ста-

рика, и она становилась всё меньше и меньше. Будто видел заплаканные лица сельчан и сказал, не в силах сдерживать нечаянные слёзы:

«Нет на земле мучительнее муки,
Чем быть с друзьями славными в разлуке...»

Прав ты, родом из Панджруда, селения Пяти рек, и да пребудет извечно с людьми планеты мудрость твоя, Рудаки. Впрочем, Устод, Мастер, мудрые мысли, некогда сказанные тобою, пережили своего великого создателя, переживут нас и ещё не одно поколение людей на этой земле. Воистину сказано, ложь рассыпается прахом, а истина облегает плечи Аллаха – истина стоять в беде и в горести, в нужде и голоде вместе со своим народом. Надо болеть вместе с ним одной болью, общими усилиями искренно и сердечно, со всей разумностью и взаимным уважением выходить из войны, а не набивать на человеческой крови собственный желудок и мощну – не строить богатство на чужих костях.

Так думал бобо Якуб и спускался к реке, и смотрел себе под ноги.

Хоть и рябило в глазах, и плавали в воздухе пред глазами бестелесные мошки, и голова кружилась от волнения и радости, от свежего воздуха и раскрытых объятий дороги, как объятий любимой женщины, старик был бодр и крепок.

«Где ты, милая Саодат, чтобы видеть эту красоту?» – спрашивал старик.

И давно умершая любимая женщина ласково и нежно отвечала ему:

«Я здесь – я рядом с Вами, внутри Вас и вокруг. Я вижу, как прекрасен этот зимний мир, и я помогу Вам завершить нелёгкое дело, мой милый и любимый, господин и товарищ, Якуб Дилкушод. Вы ни в чём не виноваты – на всё воля Аллаха!»

Только старый путник не слышал этих слов, и тело его, с каждым шагом, наполнялось новыми силами, молодой бодростью и светлым настроением. Так новый кувшин Аллаха, Великого гончара и скульптора, наполняется здоровым и крепким вином, малый глоток которого способен повергнуть с ног не только Тахамтана, мощного богатыря, каким был могучий Рустам, но и десяток подобных чудо-богатырей, баходуров.

Вот старик подошёл к реке и разломил лепёшку на несколько кусков, и кусок побольше бросил напротив себя – пусть все тревоги и печали унесёт этой водой. Верил Якуб Дилкушод, придёт день, и люди вернутся под милость Аллаха Единственного и Справедливого и вернутся в объятия друг друга – объятия признания и дружбы. А пока мы живы, на всём лежит рука Владыки мира поныне и впредь, лежит любовь Великого и Высокого. Пусть сокращаются дороги, пусть дети встречают своих стариков, пусть старики обретают своих сыновей.

И текла вода, и текли мысли, и старые подслеповатые слабые глаза провожали кусок лепёшки, который сначала закружился на месте – то ли испугался предстоящей дороги, то ли не хотел оставлять старика, – но увлекаемый волной и течением устремился вдаль и скрылся за камнями, за скалами, за поворотом реки. И верил ещё бобо Якуб, придёт день, и спадёт муть, и станет чистой вода, и люди расцветут сердцами.

Верил, что тот кусок насущного хлеба однажды ляжет на мозолистую и ласковую ладонь справедливого и милосердного, грозного и сурового Владыки Каабы, Аллаха, и скажет тот, по шепотке вкушая кусок, – горький и сладкий хлеб человеческих тревог и надежд:

«Любовь, как благостный родник
Из глубины веков течёт
Великий сам на миг
К нему припасть готов...»

Другой кусок раскрошил Якуб всякой крылатой птице и всякому свободному зверю. Пусть дорожные невзгоды они возьмут вместе с хлебом, отнесут их в свои гнёзда и норы: им – пропитание, а ему – облегчение души и тела, радость на сердце и сила в ногах, ясность глаза и ума. «В мире скорби, где правят жестокость и ложь, преданной природы друга не найдёшь», – можно и должно повторить вслед за поэтом.

Третий кусок, присев на корточки, он подал Рексу, и тот съел его прямо из рук хозяина, благодарно облизав лицо и руки в знак великой собачьей преданности и признательности.

«Ты, мой верный каландар, – сказал старик четвероногому лохматому дервишу, странствующему монаху, лаская собаку, и прижался к ней, будто прощался навсегда. – Как я благодарен тебе за живое участие».

А четвёртый кусок, величиной с детскую ладонь, таджикский Соломон оставил себе. Хлеб.

А был голодный хлеб осаждённого Ленинграда. Многие ушли тогда из Рубоба, и многие не вернулись. Якуб это помнил.

Якуб Дилкушод нежно и осторожно брал руками это живое мягкое тепло, кусочек родного кишлака, самый драгоценный из всех существующих хлебов. Старик отламывал вкусную корочку, отщипывал мякоть и с детским любопытством пытался разглядеть её на солнце – сонмище пор и ячеек, сплетение волокон и нежную податливость животворной губки пшеничного тела, как поверхность живота новорождённого ребёнка, если слегка коснуться его пальцем. Так очевиден и так невероятен этот сгусток земных нервов и земной влаги, её плоть и кровь, великий комок человеческих страданий и священная еда земных людей. И всё это, корочка и мякоть, было сутью жизни – прекрасной и жестокой сутью. Ради него совершаются великие открытия и подвиги, ради него случаются страшные войны и преступления...

Да, старик знал ценность и проклятие этой ошипи хлеба, этой щепотки муки на дрожжах и слёзах, когда держал на шершавой ладони хлебные крошки. Хоть это, если верить науке, плесень и грибки, но сколько радости и силы таится в этих крохах, сколько тепла и энергии, будто они воплотили в себе все звёзды вселенной, и эти звёзды ласкали сейчас слеповатые глаза старика, пленяли его душу, согревали и нежили старое тело. Воистину, велик Аллах, если в подобных мучных крохах сумел воплотить всю огромность и необъятность земного и космического мира.

Многое дарует нам этот хлеб, но многое и забирает он, подумал старик по завершению своего молитвенного ритуала, поднялся, отряхнулся и направил свои шаги навстречу сыну.

И если бы он вдруг оглянулся, то увидел бы у реки сидящего в грусти призрака Азиза, и тот с призрачными слезами на глазах смотрел вслед отцу. После призрака поднялся над землёй и пошёл вслед, за спиной старика, ищущего покаяния и прощения, неустанно поторяя призрачными устами: «Уважаемый отец, я простил Вас...»

Только Аллах знает, сколько дней прошло с той поры, как путешественники оставили родной дом и с лёгкой руки Хызра, покровителя всех путников и знатока источника живой воды, были живы и здоровы. Дорога с каждым днём становилась всё короче и легче на один спуск-поворот, на другой камень – ущелье, на три фарсанга (трижды по шесть километров), на четыре взгляда по сторонам, на пять часов пути, на шесть вздохов у костра, на семь молитв отдыхающей души. И человек и собака шли и несли признательность на глазах, искренность на языке и открытость на сердце. И всё это принадлежало великому устройителю мира и его верховному наместнику Яздану, таким было древнее иранское название Бога, и свет, идущий от Ясриба (доисламское название Медины, где находится могила пророка Мухаммеда) освещал открывшуюся перед ними дорогу.

Бобо Якуб, идя от перевала к перевалу, от песни до песни, от ночлега к ночлегу, тешил себя неустанной надеждой чудесным образом прозреть от запаха и прикосновения к рубашке несчастного сына, как случилось это со слепым Якубом, стоило тому коснуться рубашки

живого Юсуфа, считавшегося погибшим. На сон грядущий старик касался сурьмой больных глаз своих и подолгу сидел без движений, как каменный истукан, опустив тяжело старческие веки. И было, видел он позавчера – как в грязном окне, вчера – как в лёгкой дымке, а сегодня – как в мелкий дождик.

Во славу Всевышнего, во славу земного мира да продлятся дни правоверных на земле – людей праведных и достойных. Да продлятся дни всех народов планеты, поскольку они достойны только счастья, живя на благо каждому человеку, природе и космосу. Так говорил старик над костром привала, перебирая чётки в старых сухих, но сильных и крепких руках.

На милость Вседержителя мира и на благоденствие Его, как велел пророк Мухаммед, старик пять раз на дню творил молитву. Омываясь из походной посуды для омовения, чилима старик становился лицом к Каабе. Находясь далеко за горами, за пустынями, за реками, она была в сердце каждого возвышенного и вдохновенного правоверного, как главное святилище и место паломничества мусульман. Она была и в сердце старика, укрепляя его веру и наделяя силой и мудростью, будь мечеть сокрыта будничным чёрным покрывалом или праздничной белой завесой.

Старик распускал свой поясной платок, стелил его на землю, разувался, восходил на платок, совершал два земных поклона и после касался земли семью точками на теле – коленями и большими пальцами ног, локтями и лбом. Дилкушод творил намаз и читал молитвы, медленно перебирая лазуритовые зёрна чётки. Когда старик молился, вся природа благоговейно замирала и внимала простым словам старого человека.

Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Его! Да будут молитва и покой – над благовестителем его и увещателем Всевышнего. Да прославлен Аллах Высокий и Милосердный. Да продлит он род человеческий, да сохранит путешественников, старика и его собаку, от губельной судьбы, да поможет людям понять друг друга и простить – утолить печали и прекратить вражду. Да поможет Он, Великий и Могучий, встретиться на этом свете родным и близким людям – отцу и сыну.

И смотрел бобо Якуб направо и налево, назад и вперёд, радовался тому, что видел над собой и под ногами, был безмерно счастлив и благоговейно говорил, молитвенно складывая руки: «Алла акбар! (Аллах велик!)» Да будет так, так было и так есть – час за часом, день за днём, год за годом.

Рекс громко лая, похудевший, но весёлый и бодрый, бегал за редкими горными мышами, поднимал на крыло встречных птиц, разрывал снег и камни. Пёс с благодарностью ел свою долю сухой лепёшки и мяса, отвечая преданностью на собачьих глазах. Ночью спал вполглаза и тревожно сторожил покой хозяина, а утром лизал тому лицо и будил громким нетерпеливым лаем – мол, поднимайся, старик: солнце встало – радуйся!

Рекс радовался жизни, человеческой и собственной, собачьей, хотя Джами когда-то сказал:

«Мир пересёк этот конь.
Если поводья пустить,
Вскачь он домчится туда,
Где Судный день настаёт».

А вокруг стояли заповедные малоизвестные, а то и вовсе неизведанные, горы. Как сказочные каменные великаны, они возвышались над землёй гордые и недостижимые, овеванные легендами и страхами, и прятали свои седые головы в косматых шапках туч. Что им простой смертный и такой старый человек, как бобо Якуб? И что его старость против их вечности? Они смотрели свысока, молчаливо и сурово. Им ничего не стоит сдуть эту беспомощную человеческую букашку дыханием лавины, забросать снегом или задавить камнепадом.

Но нет, в глубине своих каменных душ они уважали этого жалкого двуногого червя, поскольку он, как и сами вековечные пузыри земли, словно застывшее на привале и окаменевшее до поры могучее войско Аллаха, был крепок духом и твёрд волей в желании найти своего сына. Старик стоял на этом, как тому и положено быть.

Горы любят такие натуры и опекают их от всевозможных бед, как мать заботливо опекает своего ребёнка, сделавшего первый шаг, сказавшего первое слово, совершившего первый поступок, достойный имени человека.

Иди смело, бобо Якуб, горы приветствуют тебя!

И старик шёл, шёл и думал:

«Земля моя, ты головастым щенком зализываешь мои раны, нежной рукой любящей женщины умалешь душевную боль и щедро поишь меня своим молоком. Смотри, я – твой сын, ты – моя мать! Ты – молитва для ищущей и беспокойной души, спасительное омовение сердца и ложе его, обитель и очаг усталому уму. Я весь в тебе – от первой морщины на лице до последнего седого волоса в бороде. Ты вся во мне – от первого крика новорождённого ручья человеческой жизни до последнего вздоха снежной лавины прожитых лет...»

И ещё думал мудрый старик:

«А люди твои, – те, кто достоин отвращения, и те, кто достоин симпатии – все без различий и каждый в отдельности, слеплены из одной глины и созданы одной рукой Аллаха, Бога Высокого и Великого. И все они – это братья и сёстры одной семьи, каким бы языком они ни говорили и как бы ни называли Отца своего...»

И такое говорил Щедрое Сердце, когда завязывал дорожный пояс:

«В минуты нужды и отчаяния, в годы юности и старости я всегда был, остаюсь и буду с тобой – с твоим былым и будущим, ибо я сам – настоящее, пока живу на этом свете. Я с твоим голодным хлебом и сытой бедой, с людьми и животными, с камнями и деревьями – с тем миром, который меня окружает. Не смотря на трудности жизни, на горечь потерь и утрат, на сумерки жестокости и туман равнодушия, моя душа и моё сердце, мой свободный ум слились для тебя одной песней, одной светлой мелодией, и я посвящаю её тебе:

«Тебе, моя земля, дарю свой рай души!»»

И говорил старик, засыпая:

«Да умолкнут пустомели и внемлют тугоухие, да встанут на колени, да поцелуют прах, их носящий – прах праха, ибо здесь находятся святые места. И только открытому, искреннему и живому сердцу дозволено видеть эту красоту!»»

Когда старик засыпал, на стражу мира заступали древние величественные горы. Они стояли и молчали, и в глубине своих недр таили возвышенную думу – то была вечность застывших мгновений. А спящий старик был не столько крошечным сгустком живой клетки, жалким комком человеческой плоти, прахом от праха земли, сколько неслышным шелестом секунд, громовым водопадом срывающихся лет и шёпотом высохшего мха на мертвенно серых скалах, припорошенных снегом.

Уже много дней в горах стояла чудная солнечная погода. Редкие курчавые облака появлялись после полудня и растворялись под вечер в прозрачном тихом воздухе. И путники шли всё дальше от дома и ближе к своей цели – к несчастному сыну, который воспалёнными от слёз и боли глазами просил о помощи.

Но однажды, когда горы скрылись в вечернем мраке, а на вершинах ещё мерцали лучи заходящего солнца, появились длинные перистые облака – первые признаки большой беды, скорой на расправу, как смерть.

Вечер на цыпочках подкрался со стариковой спины быстро и невесомо, как снежный барс. На западе пламенный диск солнца, словно бессловесный огненный человек, попавший в болото и поглощаемый трясинной наступающей ночи, медленно и неумолимо опускался за горизонт. Он отчаянно и тщетно цеплялся окровавленными пальцами последних лучей

за остро отточенные вершины хребтов, лучи отрывались от непомерного напряжения, и солнце разрывало до чёрной крови снежные спины каменных гигантов. Солнце на последнем издыхании исходило кровью, и она беззвучно клокотала в немом горле и изливалась из него».

Глава седьмая

Тот достигнет счастья и на этом, и на том свете, кто следует наставлениям вероучителей, которые не стремятся обрести богатство, положение, славу и стать во главе власти.

Священный хадис.

«Трясина небытия по ту сторону зримого земного мира, который могли охватить подслеповатые глаза старика, полностью поглотила измученное, обессиленное и бездыханное солнце. В небе долго ещё, как пузыри на воде по утопленнику, стояло кровавое зарево. Будто отлетевшая душа, из тысячелетия в тысячелетие зарево печально провожало ослабевшее солнечное тело, поглощаемое мелкими чёрными червями бестелесного мрака, чтобы следующим утром снова встретить его и торжественно заключить в свои горячие объятия. Как только зарево затихло, погасло, на горные пики, ледники и склоны надвинулись, влезли и возопили о мрачном царстве ночи хмурые сумерки. Они, подобно расторопным торговцам, стали предлагать из-под полы то половинку луны, то звёзды, только заступившие неуверенной ногой на нечёткую тропинку ночного неба.

Стало темно. Правда, темнота была призрачной. Таинственно мерцал снег – снежные массивы на склонах гор испускали призрачное мерцание, будто медленно истлевал солнечный свет, что собрался за светлое время суток в их недрах и исходил из пор. Таинственно и зловеще мерцало небо, отражая призрачный свет ледников и снежников. Только над ямой, куда упало и где пропало солнце, появились тревожные всполохи, и небосвод вокруг этого места стал чёрным-чёрным, чернее сожжённого дерева. И звёзды испугались – стали то появляться, то исчезать, то снова мерцать, как одинокие и холодные глаза в притихшем мире. Как немые вестники большой беды...

С утра светило негреющее солнце. Это был старый динар, затёртый до дыр и закрытый, как в музее, холодным стеклом неба. Небо казалось чистым. Только далеко за горами, где небо вращалось в землю, а земля жадно вгрызалась в его эфирное тело своими каменными зубами, там что-то хмурилось и кипело, шумело и собиралось, будто тяжёлый пар под крышкой казана. Всё говорило о том, что наши путники, собака и старик, не сделают и двух шагов, как весь обозримый подлунный и подсолнечный мир взорвется одним разом от боли и превратятся в кромешный ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.